

ГЛЕБ КАЩЕЕВ

**МАСТЕР
РЕАЛЬНОСТИ**

Глеб Леонидович Кащеев

Мастер реальности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42354677

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98713-5

Аннотация

Иван лишился родителей в младенчестве и проживает в школе-интернате. Каждую ночь ему снится одна и та же девушка. Однажды учитель выдает ему странный прибор, а Иван, несмотря на предостережение друга, нажимает на нем кнопку и оказывается в мире Нави. Поскитавшись по улицам, он находит новых друзей, выясняет, что вся история его детства – ложь и он, скорее всего, рожден в Нави, а героиня его снов – местная княгиня и сильнейший маг, которых тут называют мастерами разума и ей грозит смертельная опасность. Попытка спасти девушку гарантировано будет стоить ему жизни, но разве он может поступить иначе?

Содержание

Глава 1. Педсовет, вампир и таинственный прибор	4
Глава 2. Океан за порогом	51
Глава 3. Бродяга. Беглец. Преступник	75
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Глеб Кащеев

Мастер реальности

Глава 1. Педсовет, вампир и таинственный прибор

Она назвала его палачом!

Нет, даже еще хуже: «Ты не врач. Ты палач!» – вот так звучала фраза психологини. Эти слова кольнули его тогда прямо в сердце. Иван вспыхнул, возмутился, возражал...

Только осенью, когда напряжение этого лета отпустило его, а все события, которых другим бы хватило на целую жизнь, чуть потускнели в памяти и отошли на второй план, наверх всплыла горькая правда. Сколько людей погибло из-за него? Самое ужасное, что он даже не знал. Не удосужился спросить.

Конечно, он не убивал их своими руками, но он желал им смерти и, в конечном итоге, знал к чему приведут его действия. Собственноручно он уничтожил только одного. Ему часто снились эти белые глаза с застывшим в них ужасом обреченности, когда враг понял, что не успевает. Что летящий кинжал движется слишком медленно и заветные слова все-таки будут произнесены. Взгляд единственного казненного

им за секунду до смерти.

Все чаще его беспокоила леденящая кровь истина, что, возможно, психологиня была права.

Эта фраза как приговор прозвучала после педсовета, в темноте и пустоте школьного коридора. После того как Иван выстоял перед всеми учителями школы, сцепив руки за спиной, чтобы хоть как-то сдерживать себя от резких и неосторожных фраз, на которые его провоцировали. Сейчас было не время. Речь шла об его отчислении из интерната для одаренных детей.

Повод был дурацкий, но Иван понимал, что его поступок стал последней каплей. То, что он «в каждой бочке затычка» и все время лезет защищать несправедливо обиженных, невзирая на чины, звания, возраст и силу противников, знала вся школа. Кто-то его поддерживал, некоторые боялись, а вот его классная, Елена Сергеевна, откровенно ненавидела. Именно она и начала атаку на педсовете. Она же его, скорее всего, и собрала. Еще бы! Такой шанс избавиться от ученика, из-за которого ей столько выговоров от директора.

Она била по всем болевым точкам, зная как легко он выходит из себя. Но Иван держался.

Елена Сергеевна говорила про отсутствие воспитания. Естественно, откуда ему взяться то, этому воспитанию? Трюродной тете, у которой он жил во время летних каникул, было на него откровенно наплевать. Та непрерывно напоминала, что все ее обязательства закончатся через четыре года,

как только Ивану стукнет восемнадцать, и тогда выпрет она его из дома на все четыре стороны. Родители его погибли, когда ему и года не было. Он их и не помнил совсем, а у тети даже фоток не было.

Ивана воспитали книги. Чего-чего, а времени на чтение у него было предостаточно. Что в Туле, где он прожил все детство, что теперь, вечерами в общежитии московского интерната, куда он поступил три года назад, сдав сложные экзамены.

В приключенческих романах, которые он поглощал пачками, добро всегда побеждало зло, а тот, кто поступал честно, защищал слабых и не предавал свои идеалы, рано или поздно оказывался в выигрыше. В реальности же все оказалось намного сложнее, но Ивана это не останавливало. Если жизнь по природе своей несправедлива и не соответствует его ожиданиям, то это не он не так воспитан. Это мир неправильный. И его требуется улучшать всеми возможными способами. Так он однажды решил.

«Кто-то должен говорить за тех, у кого нет голоса», – как-то прочел он в одном из романов. Это настолько запало в душу, что Иван решил, что он и должен быть этим «кем-то». За него то сказать было некому. Пусть хоть другим повезет. А уж он постарается.

Окончательно воодушевил его на борьбу «Мальчик со шпагой» Крапивина. У него же получалось бороться за справедливость. Значит и у Ивана получится!

Конечно, бывало, ему здорово доставалось, но, чаще всего тот, кто поступал подло, всегда отступал перед железобетонной уверенностью и напором Ивана. Даже если это был взрослый или старшекласник.

Елена Сергеевна, тем временем, красочно описав все его преступления и особенно последний проступок в столовой, перешла к сути:

– Может быть у вас в Туле, откуда ты нам на голову свалился, принято во дворах все вопросы решать мордобоем, но у нас тут одна из лучших школ Москвы. Приличные дети!

Она откровенно врала. Никакой драки не было. Какой-то десятиклассник, имя которого Иван так и не узнал, отжал сок у светловолосого, пугливого как олененок мальчишки из младших классов. И, главное, не от нищеты. Парень то ходил в бредовых шмотках и с крутым смартфоном. Просто предпочитал упиваться ощущением власти.

Иван уже как-то ловил этого мажора на подобном. Тогда он зажал подлеца под лестницей и тот струсил. Несмотря на то, что был на три года старше и на голову выше. Это и понятно – только трус будет отбирать что-то у мелких, чтобы казаться круче в собственных глазах.

На этот раз верзила сидел среди одноклассников и падать в их глазах, уступая требованиям какого-то семиклассника, был не намерен. Ну Иван и вылил этот самый вишневым сок ему на голову. Будь тот нормальным парнем, то действительно была бы драка, но трус только жалобно запричитал: «Ты

что, debil что ли...» – стащил с себя жилетку и принялся нелепо и бессмысленно оттирать с дорогой белой рубашки расплывающееся багровое пятно.

Естественно, в столовой было полно учителей и первой вскочила как раз его классная.

– Я его даже пальцем не тронул, – возразил Иван.

– Он еще смеет перечить! Да если бы я не вмешалась, то ты бы и этого мальчика избил. Ты все вопросы решаешь только через драку, через конфликт!

– А что, мне равнодушно смотреть, как он маленьких обирает?

– Что ты сочиняешь?! – возмутилась классная десятого «Б», – Никто на Виктора не жаловался! Кого он там обирает, по-твоему?

– Так он и выбирает тех, кто от страха никому не скажет!

– Виктор приличный ученик из хорошей семьи! – категорично заявила Елена Сергеевна.

Иван не выдержал, вскипел и пошел на обострение:

– А я, значит, из плохой семьи?

Учительница запнулась на полуслове. С его стороны это был, конечно, подлый ход, но ведь и они тоже поступали нехорошо.

И вот тут судьба нанесла ему подлый удар.

В тот момент он ничуть не сожалел о случившемся и готов был обороняться до последнего. Зло должно быть наказано. Пострадать ради этого? Ну что же. Любое сражение не об-

ходится без ран. Он был готов к любым выговорам. Но дело приняло совсем скверный оборот. Встала завуч и возмущенно заявила, что если речь идет о систематическом асоциальном поведении, а Иван не только не раскаивается, но даже не осознает тяжесть своих проступков, то он представляет угрозу для остальных учеников и пора ставить вопрос перед директором об отчислении.

Иван побледнел. Терять школу и друзей, возвращаться обратно в Тулу, в маленькую комнатку с видом на пустырь и десяток заводских труб, окунуться в обычную дворовую школу... это был его ночной кошмар. С другой стороны, покаяться сейчас означало предать себя и свои правила. Что важнее?

От мучительного выбора его спасли двое мужчин, присутствовавших на собрании. Первым высказался физрук. Кратко, но емко. Зачем-то вскочив с места, он, яростно шинкуя воздух рукой, заявил:

– А я считаю, что парня как раз нормально воспитали, в отличие от ваших мажоров. Нормальный мужской поступок. А то, что младшеклассники на стол десятого класса пирожки да соки носят, я сам замечал.

– Интересно, почему я этого не видела? – возмутилась классная десятого «Б».

– Мне тоже это интересно, – язвительно заявил физрук в ее сторону и сел.

Женский коллектив зашумел, но начинающуюся бурю од-

ним жестом погасил физик. Он был из тех, к чьему мнению прислушивались. Доктор наук, преподаватель МГУ. Именно благодаря ему ученики побеждали на крутых олимпиадах, задирая рейтинг школы до небес, так что в нее стремились поступить дети чуть ли не со всей Москвы и области. Вместе с рейтингами росло и финансирование, а, следовательно, и зарплаты всех присутствующих.

Иван никак не мог определить сколько же физику лет. Вроде как пожилой мужчина с редкими седыми волосами, которые он всегда зачесывал назад, обнажая высокий лоб. С другой стороны, очень крепкий и не по годам энергичный. Несмотря на возраст, Александр Сергеевич слыл пижоном и даже, «интересным мужчиной», как услышал как-то Иван из разговора двух учительниц. В школу он каждый день являлся при галстукe и в идеально отглаженном светлом или сером костюме-тройке. Из кармана жилетки непременно высовывалась цепочка крупных часов, которые тот регулярно демонстративно доставал и открывал золотую инкрустированную камнями крышку за секунды до звонка со словами: «Кажется сейчас должен быть звонок». Непонятно, зачем ему при таком чувстве времени вообще были нужны часы.

– Если молодой человек так уверен в своей правоте, то, возможно, коллеги, нам не стоит пороть горячку и подходить к данной ситуации однобоко. Вам, Элпис, – физик обратился к Ивану, – в следующий раз все-таки лучше доверить решение таких проблем педагогам, а не бросаться в драку. Вос-

становливать справедливость кулаками – последнее дело. А нам, коллеги, надо обсудить эту ситуацию наедине. Предлагаю пока отпустить молодого человека.

Иван вышел за дверь, забрался на подоконник и тут подумал: а не уйти ли вообще в свою комнату в общежитии? Уж если его решат-таки исключить из интерната, то как-нибудь найдут способ это сообщить.

В этот момент следом за ним вышла психологиня

Она неожиданно присела на подоконник рядом. Иван удивленно покосился на нее, но та молчала и на него вовсе не смотрела. Сейчас она была похожа на нахохлившегося воробышка.

Пауза затянулась. Школьный коридор в этот поздний час был пуст и вокруг них повисла тяжелая напряженная тишина. Было слышно даже как тикают часы в дальнем конце. Из окна подуло в спину холодом, и Иван поежился.

– Успокаивать будете? – буркнул он.

– Вот еще! Ты ничуть не пострадал.

Он растерялся.

– Ты думаешь, что творишь добро. Гордишься собой, да? Почему же они на тебя взъелись, думаешь ты. Не считаешь, что иногда выглядишь как Дон Кихот? Только тот был добр, хотя и нелеп, а ты зол. Поэтому результат твоих благородных действий, как правило, обратный. Ты молодец, что замечаешь чужую беду. Но ты вообще не пытаешься разобраться в ситуации и из-за этого делаешь все только еще хуже. Вместо

того, чтобы вникнуть и исправить, ты лупишь по проблеме кувалдой. Тебе так проще. А достается в итоге всем. В том числе и тебе. Понимаешь, ты калечишь, а не исправляешь. Это как лечить насморк гильотиной.

И вот тут и прозвучала эта фраза.

– Ты не врач. Ты палач! Врач пытается вылечить и исправить, а ты стремишься наказать.

Иван вспыхнул, почувствовал, что против воли краснеет и открыл рот, чтобы возразить, но она не предоставила ему такой возможности.

– Все потому, что ты бежишь от ответственности. Вникнуть в проблему всегда означает взять на себя еще чью-то судьбу. А ты и за свою то отвечать не хочешь. Поэтому ты всегда бьешь наотмашь и гордо уходишь, не вникая, что там после тебя будет.

– Это как не помогаю? Это я-то избегаю ответственности?! – опять начал закипать Иван.

– А так. Помнишь ты географу нахамил, сделав при всех выговор за необъективность по отношению к твоей однокласснице? Если бы не ты, то она, как обычно, потом подошла после уроков, переписала работу и исправила оценку. А из-за тебя географ занял встал в позу, ее оценка за контрольную теперь проставлена в журнал и снизит ей полугодовую. Кому лучше стало? Он еще и Елене Сергеевне разнос устроил. Результат ты только что на себе ощутил. Или возьмем эту ситуацию в столовой. Кому ты помог? Этот малыш что, в

следующий раз не испугается старшекласника? Испугается. И так же отдаст все, что потребуют. Знаешь, что он вынес из произошедшего? Что все решает сила, а еще, что два крутых парня чуть не подрались из-за его сока. Я с ним поговорила, а ты, кстати, нет. Виктор и дальше творил бы гадости, стараясь не попадаться тебе на глаза. А еще вероятнее заручился бы поддержкой кого-нибудь посильнее. Так кого или что ты изменил к лучшему?

Иван хотел было, чисто из духа противоречия, возразить, но закрыл рот и задумался. С такой точки зрения он на свои поступки не смотрел.

– Если бы ты хотел исправить этого старшекласника, то мог поговорить с его папой, как я сегодня сделала. Адекватный отец, который, как и все, хочет, чтобы его сын был личным человеком. Поверь, Витя теперь не скоро подумает о том, чтобы обидеть младших. Еще ты бы мог попытаться научить этого малыша быть немного смелее, чтобы в следующий раз ему хватило духа хотя бы рассказать учителям и родителям о проблеме. Смелости то у тебя через край. Но взять за него ответственность и растить храбрость в маленьком сердце шаг за шагом для тебя это слишком. Это значит переживать за него и его синяки, которые он будет получать на первых порах, как за свои. Ты не в состоянии этого сделать.

– Это почему же не в состоянии? Просто не догадался...

– Не догадался, потому что даже не думал. У тебя голова

так не разворачивается! Знаешь почему? Потому что ты и за себя то ответственность нести не хочешь. Ради краткого мига торжества, дескать вот я какой крутой, маленького защитил, ты ставишь под удар и свою судьбу. Вот отчислят тебя сейчас. Уедешь в Тулу. Сможешь ты тогда в ВУЗ поступить? Вряд ли. Тетя выставит тебя за дверь сразу после совершеннолетия, и что, бомжевать пойдешь? Вот и выходит, что ты этим поступком никому добра не принес. Ни другим, ни себе. Как обычно.

– Может я и не хочу в этот ваш ВУЗ, – буркнул Иван просто чтобы хоть как-то возразить этой неприятной для него правде.

– А куда ты пойдешь? Чего ты вообще от жизни хочешь? Мы уже говорили с тобой на эту тему, и не раз. Наличие цели, между прочим, тоже показатель ответственности. Ты берешь на себя право судить других, совершаешь взрослые поступки, но имеешь ли ты на это право? За себя то отвечать не хочешь. Потому что на самом деле, ты очень боишься.

Иван вздрогнул и посмотрел ей в глаза.

– Да, боишься быть взрослым. Потому что быть взрослым – это ежеминутно решать и принимать ответственность за все свои решения. А ты даже не можешь определиться чего хочешь добиться от своей жизни.

Иван терпеть не мог разговоров на тему взрослого будущего. Первого сентября в этом году к ним в школу заявили выпускники прошлых лет. Ходили по классам и беседовали

с ребятами. Типа обмен опытом. Ну он поспрашивал некоторых о том, что его волнует. Кем они хотели стать и кем стали. Особенно тех, кто уже закончил свои университеты, куда так когда-то стремился поступить.

Этот город и эта жизнь перемололи все их мечты и желания в труху. Парень, мечтавший стать математиком, теперь сидит офисным сотрудником в банке. Другой, окончив факультет журналистики, работает таксистом. Временно, конечно, как тот считает. Пока его гениальные статьи не заметят хорошие издания. И так почти у всех, кто имел смелость рассказать о своих детских мечтах.

Смысл тогда планировать свое будущее?

Начитавшись романов, он мечтал о приключениях. Но где они в этом жестоком мире? Разве только у бандитов, военных, да полицейских. Сомнительная романтика. Он мечтал быть путешественником, как великие капитаны прошлого. Но что можно открыть в этом веке, когда каждый сантиметр со спутников отснят? Приехать миллионным туристом и сделать селфи на фоне экзотики? Смешно.

Просто тупо хотеть разбогатеть – так разве это может быть мечтой? Возиться с пробирками или расчетами всю жизнь, в отличие от некоторых одноклассников, он тоже совсем горел желанием. Многие мечтали о славе и популярности. Но всю жизнь красоваться на публике, следуя ее изменчивому вкусу, Ивану казалось скучным и пошлым.

Каждый раз, когда он думал о своем месте в этом мире, у

него было ощущение, что при рождении он ошибся либо веком, либо вселенной. Может где-нибудь еще он мог бы найти свое признание и счастье. Но не здесь и не сейчас.

Пауза затянулась.

– Вот вы спросили, чего я от жизни хочу. А если я просто хочу быть счастливым? И не знаю как. И цели нет, потому что я не знаю где это счастье искать.

Психолог странно на него посмотрела. Потом протянула руку и ласково взъерошила его жесткие волосы.

– Эх, Ваня. Думаешь я знаю? Ищи. Вдруг найдешь.

Из школы его все-таки не отчислили. Видимо физик конкретно заступился. Теперь вопрос, что он за это потребует. То, что Александр Сергеевич обязательно воспользуется такой возможностью сомнения не было.

Иван честно старался вести себя паинькой, в конфликты не лезть и вообще держать себя в руках, как и обещал психологу.

Его хватило ровно на неделю.

Теплым майским вечером, возвращаясь с тренировки, Иван шел по бульвару быстрым, в ритм мелодии из наушников, шагом. Школа закрывалась через минут двадцать, так что пришлось спешить. Он и так каждый вечер испытывал терпение воспитательниц и охраны, когда заявлялся позже

положенного. Воспитатели старались прикрыть его от внимания администрации, но если припереться после закрытия школы на ночь, то скандала уже не избежать. И тогда плакали его тренировки. Запретят выход в город до конца учебного года.

Улица была пуста, темна и безлюдна. Впереди, занимая уже почти полнеба, гроыхала и наливалась сиреневой свирепой грозой большая туча. Все прохожие и гуляющие уже давно разбежались по домам. Может именно потому, что на улице вообще никого не было, он и обратил внимание на эти две фигуры. В обычной ситуации может и мимо бы пробежал: подумаешь, парочка обжимается в тени деревьев. А так удивился: чего они от грозы не спрятались? Пригляделся и обомлел.

Они не обнимались. Мужчина, держал девушку за горло, прижав спиной к дереву. Та совсем не сопротивлялась и зavorоженно смотрела в пустоту круглыми от испуга глазами. Молодой человек, а только теперь Иван разглядел, что это парень чуть старше его, медленно приближал губы к девице, но не так, как будто хотел поцеловать. Он тянулся к ее шее сбоку. Так в фильмах разве что зомби и вампиры впиваются в жертву.

Именно глаза девушки и заставили его остановиться. Они были полны ужаса. Это точно была не любовная сцена.

Иван огляделся. Как назло, ни одного прохожего! Какой-то псих тут из себя вампира корчит, а помочь некому.

До этой парочки было всего то метров десять.

– Блин! – выругался он вслух. Если он не поможет, то кто тогда? Иван, вздохнул, сжал руки в кулаки и направился к ним.

Страшно не было. Наоборот. Он почувствовал, как где-то внутри по позвоночнику поднимается холодная злость и превращает его в взведенную пружину, готовую взорваться действием в любой момент.

Иван схватил юношу за плечо и развернул к себе. Он прекрасно осознавал, как со стороны выглядит эта картина. Здоровенный парень, лет на пять старше и как минимум на голову выше, и среднего роста пятнадцатилетний худой жилистый пацан, совсем не производящий впечатление грозного соперника. На месте соперника Иван бы не сомневался, что сможет справиться одной левой.

«Отпусти ее. Девушка явно не хочет с тобой общаться», – стараясь, чтобы голос звучал как можно более грозно, произнес Иван. Высокий стройный черноволосый парень с повадками избалованного принца только ухмыльнулся. Посмотрел ленивым взглядом кошки, наблюдающей как не нее готовится напасть мышь, и в нарочитом изумлении надменно вскинул бровь. Презрительно оглядел соперника с головы до ног и нехорошо ухмыльнулся. И тут парень повел себя очень странно: впился в Ивана взглядом, небрежно махнул рукой в его сторону, словно отгоняя муху, и сказал со странным, не вяжущимся с равнодушным выражением лица, напряжени-

ем в голосе: «Тебе это не интересно. Ступай прочь отсюда».

Это было последней каплей. То, что его не посчитали достойным даже для угроз, взбесило Ивана до крайности. Он коротко без размаха снизу вверх со всей силы врезал наглещу в челюсть.

В этот момент здравый смысл возобладал и ему, наконец, стало страшно. Иван внутренне сжался, полагая, что сейчас точно получит по полной программе, но того, что произошло, он никак не ожидал.

Его соперник испугался. Побледнел, выкатил глаза, открыл рот в безобразной гримасе страха, как будто вместо мальчишки внезапно увидел перед собой ужасного монстра. Здоровенный парень отшатнулся, споткнулся, чуть не упал и тут же с низкого старта бросился бежать. Он в два прыжка подбежал к стоящей неподалеку большой темной машине, распахнул заднюю дверь и рыбкой нырнул на сидение. Автомобиль тут же с пробуксовкой сорвался с места и умчался в темноту улицы, не дожидаясь даже пока тот закроет дверцу. Оказывается, все это время там сидел водитель и ожидал этого парня, но почему-то даже не подумал выйти и вмешаться в драку.

Иван оторопело проследил как машина скрывается за поворотом и повернулся к девушке. Она тоже была старше Ивана лет на пять. Девушка постепенно приходила в себя, трясая головой и массируя виски.

– Вы хорошо себя чувствуете? – спросил Иван.

– Да... наверное... что со мной было? Как я тут оказалась? – растерянно озираясь спросила та.

– То есть? Это я вас спросить хотел.

– Я что, сознание потеряла, да? Я шла вон там по тротуару... а оказалась тут под деревом... что случилось?

– Вас только что тут мужчина держал. Вы что, не помните?

– Мужчина? Держал меня? Нет... я шла в магазин... мимо прошел какой-то молодой человек... потом темно... и я тут очнулась. Ничего не помню. Может мне стало плохо, а он меня поддержал и перенес сюда?

Иван понял, что расспрашивать дальше не имеет смысла. В милицию та точно не пойдет. Как свидетель он ей не нужен. Убеждать девицу, что ее сейчас чуть не... что, кстати? На насилие было не похоже. Сказать, что ее только что вампир укусить пытался? Бред. А ничего другого на ум не приходит.

– Может быть, – ответил он, пожав плечами.

Девушка подняла с газона сумочку и неуверенно пошла прочь.

Иван повернулся к школе. Чуть дальше по улице он неожиданно все же увидел человека, внимательно наблюдавшего за ним. Александр Сергеевич стоял метрах в ста и смотрел прямо на Ивана. Неловкая пауза продолжалась несколько секунд. Физик укоризненно покачал головой, отвернулся и пошел прочь. Иван хотел было догнать и объясниться, но понял, что тогда точно опоздает. Ему уже надо было бежать,

что есть мочи. Иван вздохнул и рванул в сторону интерната.

Вечером в своей комнате он лежал на кровати, смотрел в потолок и гадал, что именно сегодня произошло и попадет ли ему завтра. Иван, вроде как, ударил то за дело... только вот видел ли Александр Сергеевич что случилось с девушкой, или с его точки зрения Иван подлетел к незнакомцу и залепил тому по физиономии? Да и вообще решение проблем кулаками, к сожалению, тот явно не одобрял.

«А что сказала бы психолог?» – думал он. Сделал он тут хоть кому-нибудь лучше, или опять только навредил? Да и что вообще тот придурок собирался с девушкой сделать? Вдруг он ее действительно в чувство приводил? Но у нее же были такие глаза... И чего он так испугался то? Когда делаешь что-то благородное, то так не бежишь от первого встречного...

Иван долго ворочался в кровати, а когда решил, что видимо заснуть у него так и не получится, внезапно все-таки провалился в сон.

Это был «особенный» сон, непохожий на обычные. С различными вариациями он возвращался вновь и вновь. Слишком яркий, слишком подробный, четко отпечатывающийся в памяти даже после пробуждения. Эти видения изредка случались и раньше, но особенно часто они стали посещать его

В последний год.

На этот раз Иван бежал вверх по винтовой лестнице какой-то башины. Он чувствовал, что здание разрушается и вот-вот упадет и поэтому ему непременно надо успеть. Пара ступенек внезапно провалились и ему пришлось прыгнуть изо всех сил, чтобы преодолеть образовавшуюся дыру. Наконец он достиг конца лестницы и увидел перед собой тяжёлую окованную черными железными полосами дубовую дверь с массивным замком. Иван почему-то был уверен, что она его не остановит. Он коснулся пальцами замка и сложный механизм начал расползаться и рассыпаться, как старая ветхая ткань. Железные детали со звоном посыпались на пол. Иван изо всех сил дернул ручку на себя и еле успел увернуться – легко сорвавшаяся с петель тяжёлая дверь прогрохотала вниз по ступенькам.

Он вбежал в комнату и сразу встретился взглядом с феей.

Вспышка, пронзающая разум, и сердце. Поразительная глубокая синева, какой никогда не бывает у людей. Ослепительная, затягивающая, бездонная чистая синяя глубина. Каждый раз, проснувшись после подобных снов, он лучше всего помнил именно ее нечеловеческие глаза. На все остальное он обращал внимание только после того, как усилием воли заставлял себя вынырнуть из синей бездны.

Высокая, тонкая и хрупкая белая фигура. Ее короткие, чуть выше плеч, белоснежные волосы – не просто светлые,

а именно кристально-белые и искрящиеся, цвета свежеснежавшего снега на солнце – пребывали в полном беспорядке, что делало их обладательницу только еще красивее. Иван никогда не мог вспомнить ни как зовут девушку, ни откуда он ее знает. В каждом подобном сне у него была только внутренняя уверенность, что перед ним дорогая ему фея или прекрасная ведьма, и ее непременно надо защитить и спасти.

Глаза девушки расширились от удивления, а губы чуть тронула зарождающаяся улыбка. Она узнала его. Иван хотел было что-то сказать пленнице, но тут пол внезапно ушел у него из-под ног. Башня все-таки начала рушиться. Он опять не успел спасти ее. Как всегда.

От ужаса Иван проснулся. Сердце бешено колотилось в груди, словно он действительно только что преодолел несколько этажей лестницы. Даже мышцы на ногах болели.

Ему никогда не удавалось поговорить с феей во сне. Последнее, что он помнил каждый раз – это испуганный взгляд глубоких синих глаз.

Обстоятельства их встречи каждый раз менялись. Когда-то это был пляж, где он догонял фею, пока гигантская волна не смывала ее в море. В другом сне она шла по улице, а черные тени из проезжавшей мимо кареты хватали и увозили девушку, пока Иван пытался добраться к ней сквозь толпу. Каждый раз он чувствовал угрозу и очень спешил, но все время не успевал. Что-то постоянно мешало ему приблизит-

ся к этой таинственной незнакомке и заговорить с ней.

Из дневника княгини Ирмы де Клэр.

22 Цветня 258г.

Вчера вернулась из столицы, где изрядно нахулиганила. Насколько Любоград в это время прекрасен и пропитан ароматом жасмина и цветущих апельсинов, настолько же и мерзок, когда окунаешься в его жителей. Но лучше по порядку.

Сначала, в кои то веки, навестила Лин. В нашу курортную глухомань она уже второй год не выбирается. Прошлым летом она готовилась к инициации, а этим, видите ли, она уже серьезная дама и «у нее дела». За это время она успела превратиться в жгуче-рыжую хищницу с заточенными коготками, обманчиво хрупкими лебедиными ключицами и хрустальной грацией. Находиться рядом с ней теперь невыносимо. Я мало того, что теперь ниже на полголовы, так еще и выгляжу со своей белобрысой башкой как блеклая тень.

Букетами от поклонников у нее заставлен весь холл. Конечно, с такой красотой теперь еще и княгиня, недошедшая одного шага до звания великой. Папеньки баронов, небось, уже пол состояния на цветы да подарки перевели. Такая выгодная партия и такой генофонд вот-вот мимо пролетит.

В отличие от моего захолустья жизнь в столице сложна и ужасна. Столько интриг, нюансов и паттернов, которых я не понимаю!

Ллин спросила меня, что я думаю о новом законе о самобеглых повозках. С такой интонацией, что я поняла, что, если хочу остаться в ее глазах приличным человеком, нужно немедленно возмущенно возводить глаза к потолку и говорить о притеснениях и гонениях. Приличным человеком я никогда не была и сейчас не стала, поскольку вообще не поняла о чем речь. До наших провинций не то, что новый закон, так и сами повозки пока не докатились.

Зашли с ней вдвоем к ее букинисту. Я надеялась перехватить хоть какие-нибудь учебники с той стороны и лучше бы из Москвы. Но чудес не бывает. Такая редкость до прилавков даже здесь вообще не доходит. Одна надежда, что, видя мое печальное личико, Ллин пообещала помочь. Она то теперь на ту сторону чуть ли не каждый месяц за покупками ходит. Спасибо ей и на этом.

Потом я отправилась гулять одна и, конечно же, заблудилась. Ну, где я, и где топография? Мне на ту сторону реки, вот в тот милый магазинчик, а мосты, как на зло, все где-то далеко и прячутся. Пришлось сотворить новый. Это было первое хулиганство. Продавец на той стороне только головой укоризненно качал. Дурачок! Казалось бы, ведь теперь к тебе и с другого берега заходить будут.

А этот их рыбный рынок? Я ж его весь съест готова!

Вот вопрос. У меня в подчинении два портовых города, а рыбацкого базара ни одного. Каждый раз дораду да сибаса приходится самой из моря в замок телепортировать. От столицы же до берега целые сутки пути, а тут изобилие морских гадилов и рыбешек. Чтобы такое вот у себя иметь, мне что, рыбаков насильно что ли в Розеграде селить?

Тут пришлось нахулиганить второй раз. Какая-то дворянка мелких титулов видимо не ожидала напороться на княгиню на базаре. Дорогу я ей, видите ли, не уступила. А на ней сорок лет потного лица с выражением «какие вы все уроды», воронье гнездо на голове и натянутая прозрачная кружевная кофточка, не оставляющая простора воображению вообще. А когда она рот открыла, то как смычком по расстроенному альту. От этого у меня руки сами собой закогтились, а в голове закрутились самые кровожадные планы. Но я обошлась тем, что притянула Силой с соседнего прилавка острый перчик чили и заткнула ей рот. Тут, мне кажется, она поняла с кем имела дело и побледнела. А может перчик так подействовал. По крайней мере, когда я уходила, было уже тихо.

После такого постаралась я из столицы уехать как можно раньше, а то еще в какой скандал вляпаюсь. Ночевать там не стала. Приехала к себе в замок уже полночь.

Может из-за расстроенных чувств, а может еще из-за чего, меня опять посетил этот странный кошмарный сон, который так легко спутать с реальностью. Чем ближе моя

инициация, тем чаще они приходят. Хоть травки успокаивающие пей.

В этот раз я была как раз там, на осенних испытаниях, от которых будет зависеть вся моя дальнейшая судьба. Герольд объявил мое имя, и я вышла в центр арены. Повернулась к судьям, а вместо них сидят какие-то чудовища в фиолетовых мантиях магистров. Из воротников торчат зубастые пасти с торчащими клыками, с которых еще и зеленая слюна капает. И лапы такие страшные и костлявые по столикам когтями скребут.

Я в ужасе смотрю на трибуны, а там вместо зрителей такие же чудовища. Тянут ко мне свои длинные пальцы, шипят и медленно сползают с сидений вниз, на песок арены.

Вот чего я во сне не воспользовалась Силой, спрашивается, и не развеяла всю эту нечисть по ветру? Какого-то лешего выхватила шпагу, хотя как с такой ордой справиться?

И вот тут опять появился Он. Тот самый юноша, который всегда оказывается рядом, когда кошмар доходит уже до той стадии, когда только зажмуриться от ужаса и под стол прятаться.

Я про него уже столько раз писала... повторяться не буду. В этот раз он с луком в руках прыгнул на арену откуда-то с трибун.

Мы, не сговариваясь, встали спина к спине. Он расстреливал напуганных чудовищ, а я добивала клинком тех, кто все-таки успевал подобраться ближе. Мы явно победили!

И тут я проснулась. Мы опять так и не поговорили. Ни разу мне не удалось пообщаться с ним. Хоть как его зовут узнать бы...

Мало того, что не выспалась, так теперь еще весь день думаю о нем, и рассеянная, как какая-нибудь влюбленная дура.

Сегодня у меня еженедельный прием горожан, а я головой в облаках витаю. Вынырнула из своих мыслей, когда первый купец уже закончил говорить. Что он просил? К стыду своему, пришлось попросить повторить.

Потом чуть было не напортачила, когда заживляла Силой ожог на лице какого-то подмастерья. Задумалась о ящерах из кошмара, и чуть было не нарастила ему чешую вместо кожи. Стыд и позор!

Слава богам, что просителей было немного, и я смогла вернуться к учебникам уже после обеда. А тут еще подошел курьер от Ллин с письмом и посылкой. Письмецо было гадким. Изящным высоким стилем та сообщила, что очень волнуется за меня перед инициацией и желает, чтобы мне после не пришлось съезжать из замка, в связи с чем посылает мне ту малость, которой хоть как-то может помочь.

Вот ведь стерва! Так вежливо обозвать бездарной дурой только она может. Но за учебники с той стороны можно было и потерпеть.

Я открыла первую страницу: отпечатано в Москве, в 2017 году. Совсем свежий! Терять такую, причем един-

ственную, мою связь с той стороной нельзя, поэтому в ответ следует как можно более вежливо рассыпаться в благодарностях. Но настроение испортилось вконец.

Ставлю этим двум дням жирный минус, и надеюсь, что следующий будет лучше.

На следующее утро Иван с нетерпением ждал Пашку у входа. Три года назад они поступили в один класс и совершенно случайно оказались за одной партой. Это была уникальная случайность, так как они сразу стали неразлучными друзьями. Учителя поражались, дескать они же такие разные! Местный математический гений с идеальным поведением и Иван, который начал доставлять проблемы с первого же дня. «Что же между ними может быть общего?» – говорили они. Но общее у них было все. Они вообще никаких секретов друг от друга не держали.

Сейчас Ивана просто распирало изнутри желание хоть с кем-то поделиться впечатлением от странного происшествия на бульваре.

Павел жил в Москве и не пользовался общежитием. Из всех одноклассников Иван вообще один ночевал общежитии, да и всего в интернате на ночь оставалось не более тридцати ребят. В основном это были те, чьи родители жили в области или в других городах. Иван среди них был единственным

сиротой.

Когда друг наконец вышел из раздевалки, Иван схватил его за локоть, увлек в более тихую часть коридора и кратко рассказал о вчерашних событиях.

– Да ладно гнать то, – Пашка сначала скептически скривился, но, увидев лицо Ивана, спохватился, – Ну хорошо. Допустим. Но ведь ерунда какая-то. Ты что, реально в вампиров веришь?

– Дурак что ли?

– А что тогда он с этой девицей делал?

– Ну... просто приставал... на ухо что-то шептал, например...

– А почему она не помнит ничего?

– Может он ее загипнотизировал? Он и в мою сторону как-то странно рукой махал, словно внушить что-то пытался.

– А что этот супергипнотизер тебе в ответ то не врезал? Взрослый парень же. Чего он испугался?

Пашка вдруг замолк, провожая взглядом проходящую мимо девочку из восьмого «Б».

Иван ухмыльнулся. Та точно заметила Пашкин взгляд, но даже бровью не повела. Прошла мимо, гордо задрав подбородок.

Павел покосился на друга и грустно вздохнул:

– Тебе хорошо веселиться, Эллис. Твой безмолвный портрет тебя не игнорирует.

Умный, зараза. Одной фразой дважды подколот. Назвать

его по фамилии можно было только назло. Иван ее терпеть не мог. Да и имя тоже. Кроме как Иван-дурак к нему же ничего не клеится, как бы ты не воображал себя принцем или мушкетером, прочитав очередной роман. Ну а фамилия... это же ужас! Элпис! Что это вообще значит? Поисковики в интернете подсказывали, что это имя, причем женское. Тетя, носившая простую русскую фамилию Кузнецова, говорила, что у отца были какие-то европейские корни, но как только Иван начинал спрашивать о родителях, так та сразу заявляла, что она вообще ничего не знает и не помнит. Докопаться до истины было невозможно – все вещи родителей почему-то сгинули вместе с их московской квартирой.

Хотя, наверное, фамилию стоило бы ценить за оригинальность, ведь все остальное в Иване, по его мнению, было каким-то средним и невзрачным. Про имя вообще можно не говорить. Внешность не лучше. Средний рост – на физкультуре он стоял ровно в середине строя, уступая даже некоторым девочкам. Невзрачного цвета жесткие волосы. Ни русые, ни каштановые. Серо-коричневые. Ни блондин, ни брюнет. Серые бесцветные глаза. Ни тебе мужественных скул, ни ямочек на щеках. «Хоть бы шрам какой, чтобы чем-то выделяться», – думал иногда Иван. Хотя Пашка говорил ему, что по мнению девочек класса, Иван считался красавцем, но он ему не верил. Чего в его внешности может нравиться?

Намек на потрет тоже был подколкой. Иван, блуждая как-то по интернету, наткнулся на фото одной российской актри-

сы. Та высветлила волосы почти до белого цвета и хвасталась новой необычной для себя короткой прической. Ни в фильмах, ни на других фото она совсем не походила на девушку из сна, но тут фотограф поймал именно тот особенный ракурс, когда сходство с синеглазой феей было просто поразительным. Разве что глаза, конечно, были не те.

Актриса была намного старше Ивана, в то время как девушка из снов была вроде как его ровесницей, но все равно, чтобы иметь перед глазами хоть какое-то напоминание о фее, он распечатал фото и прикрепил к тумбочке возле кровати. Некоторое время друзья подкалывали его на предмет влюбленности во взрослую женщину, но, так как Иван никак не реагировал, быстро перестали.

Правду знал только Пашка. Секретов они друг от друга не держали. С тех пор тот любил иногда пошутить про несуществующую любимую из мира снов. Иван не обижался. Он на самом деле не мог понять, как относится к беловолосой фее. Он ощущал необычное чувство родства с этой девушкой с удивительными глазами. После каждого сна, где он не смог ее спасти, он просыпался с ощущением сильной горечи и утраты, как будто не смог сохранить что-то очень дорогое. Значило ли это, что он в нее влюблен? Неужели любовь именно такая и приносит только горечь утраты?

Прозвучал звонок последнего урока. Ребята повскакивали с мест и стремительно распихивали учебники и тетради по рюкзакам и сумкам. Теплый солнечный майский день за окном сладко манил на улицу, и все старались выскочить из школы как можно быстрее. Физике в этом полугодии вообще не повезло. Она была первым уроком в понедельник, встречая хмурых и не выспавшихся восьмиклассников, а также последним уроком в среду и пятницу, и всю вторую половину пары дети сидели как на иголках, желая поскорее выскочить прочь из школы, особенно когда на улице наступил неожиданно теплый в этом году май.

– Элпис, останься пожалуйста.

Голос физика подло, как выстрел в спину, догнал ученика почти на пороге класса. Иван даже пару секунд думал не сделать ли вид, будто он не расслышал и не побежать ли вслед за товарищами.

Постояв секунду в дверях, он вздохнул, с тоской посмотрел вслед убегающим по коридору одноклассникам и вернулся в класс. Предательский холодок страха уже побежал по спине.

– Закрой дверь пожалуйста, – не отрываясь от чтения бумаг попросил Александр Сергеевич.

Иван послушно вернулся к двери и плотно ее захлопнул.

Подошел к первой парте, не зная, как себя дальше вести. Помялся, нервно перебирая край форменной жилетки. Положил рюкзак с учебниками на пол, затем поднял обратно. Физик все смотрел в какие-то листочки и держал паузу.

Спустя минуту Александр Сергеевич все-таки взглянул на ученика поверх очков в тонкой квадратной золотой оправе и неожиданно тепло сказал, указав на первую парту перед собой:

– Да ты присаживайся.

Иван послушно сел.

– Знаешь, я посмотрел твои результаты по последним контрольным. Весьма недурственно, молодой человек, – внезапно объявил физик. – Да и муниципальную олимпиаду по физике ты неплохо написал. Ошибся в вычислениях, поэтому баллы потерял и на всерос не вышел, но верный путь к ответу почти везде нашел. Мне кажется, у тебя хороший потенциал, над которым нужно поработать.

Иван решил, что ему послышалось. Он был уверен, что Александр Сергеевич начнет с осуждения вчерашней драки на улице, но тот упорно делал вид, что ничего особенного не произошло.

– Я решил позаниматься с тобой индивидуально. Бесплатно, конечно, – тут же добавил он, увидев, что Иван хотел возразить. – Мы порешаем с тобой некоторые задачи для подготовки к следующим олимпиадам. Не сейчас. Осенью. Сначала я бы хотел немного подтянуть тебя по теории... но не из

школьной программы. Предлагаю выйти, так сказать, за рамки. В следующем году вам же всем надо будет делать проект к зимним экзаменам. Вот и займешься одной интересной темой. Эти знания, я уверен, – последнее слово физик произнес подчеркивая, с каким-то нажимом в голосе, – могут еще тебе сильно пригодиться.

Александр Сергеевич выразительно посмотрел на ученика, ожидая какой-нибудь реакции. К чему был этот взгляд Иван не понял. Вообще все это было очень странно. Он и физика? Бред же. Не любил он ее. На олимпиаду, как обычно, погнали весь их физмат класс и по результатам он даже в призы не попал. По меркам одноклассников это был провал. Грамоты то получили почти все. Возражать учителю, который легко мог перевести беседу на неприятную тему вчерашней драки, Иван не стал. В конце концов, до каникул оставались всего две недели. Можно и потерпеть. Он обреченно кивнул.

– Тогда начнем. У тебя же есть сейчас полчаса? Можешь не записывать, это можно и так запомнить. Я уже как-то рассказывал на уроке про элементарные частицы, из которых состоят атомы. Сейчас я хочу, чтобы ты запомнил, что в микромире нельзя предсказать как поведет себя частица. Можно говорить только о вероятности. Если ты положишь маленький шарик в стакан, то он там и будет оставаться, да? Но в микромире частица может внезапно просочиться сквозь стенку и укатиться прочь. Какой-нибудь электрон должен

бегать по орбите, но вдруг самопроизвольно перескакивает на другую. Квантовая нейробиология, кстати, считает, что именно так в нашей голове зарождаются мысли. Но нам важно не это. Физика утверждает, что наблюдатель всегда влияет на поведение частиц. Представляешь, просто тот факт, что ты посмотрел на частицу и подумал о ней, изменяет ее поведение. Это подтверждается множеством опытов. Поведение частиц влияет на наш мозг, а наши мысли, наоборот, влияют на микромир. Разум и микромир связаны. Главное, что эту взаимосвязь можно использовать. Вот об этом я и хотел бы рассказать...

Физик посмотрел в глаза Ивану, и споткнулся на полуслове.

– Хм... наверное тебе пока сложно это понять. Давай ты лучше прочитаешь все это спокойной обстановке. Вот возьми, – учитель достал из стола пачку распечатанных на принтере листов, – это записки одного моего друга-ученого. Написано достаточно просто. Ты легко разберешься, если постараться. Эта работа как раз на тему взаимосвязи между мозгом и частицами. Самое главное, обрати внимание на последнюю главу. Там рассказывается, что было бы, если бы существовал мир, где частицы еще легче меняли бы свое состояние. Возможно, что там мы силой мысли могли бы изменять вселенную!

Александр Сергеевич положил перед Иваном листы и сделал паузу, наблюдая за учеником. Тот старался сидеть с ка-

менным лицом, не понимая, что за бред несет учитель и какое отношение это имеет к олимпиадам. Попахивало какой-то мистикой, эзотерикой, астрологией и прочим шарлатанством и точно не имело отношения к науке. Возражать он, однако, не стал и опять кивнул, на всякий случай. Пусть тот несет любую мистическую ахинею. Задача Ивана терпеливо высидеть и уйти, не огорчая старика.

– Хм. Я думал, что вообще это тебя впечатлит, и у тебя будут какие-то вопросы, – разочаровано протянул физик и сделал паузу, но Иван упрямо молчал. Не дождавшись ответа, учитель продолжил:

– Автор этих записок, к сожалению, трагически погиб, но перед смертью сделал один прибор, который должен был продемонстрировать его идеи. Вот он.

Учитель достал из ящика стола коробку, похожую на большую черную пластиковую таблетку, размером с десертную тарелку. Посередине черной штуковины Иван разглядел одну единственную слегка утопленную в корпус кнопку. Больше на гладкой поверхности глазу зацепиться было не за что.

– Не бойся, – Александр Сергеевич положил коробку перед Иваном, – я уже неоднократно им пользовался. Он работает и вполне безопасен. Этот прибор ненадолго позволяет реализовать то, что описано в последней главе. Так сказать, подсмотреть, как это все будет на практике. Прочитаешь, поймешь. Это тебе задание на каникулы. Изучи эту распечатку и проведи эксперимент с прибором. Потом, после

каникул мы вместе оформим твои наблюдения и выводы в проектную работу. Уверен, у тебя к следующей нашей встрече будет много вопросов, которые мы с тобой и обсудим. Да... до каникул мы с тобой больше не увидимся. Я должен на время уехать из Москвы, так что у тебя будет целое лето, чтобы все прочитать и наиграться с этим устройством. Держи.

Иван взял черную таблетку в руки. На удивление, она была очень легкой, словно внутри пластикового корпуса ничего не было. Покрутив прибор в руках, он положил его обратно на стол.

– Э-ээ... Александр Сергеевич, спасибо, конечно, – с сомнением ответил Иван, – но я как-то не хочу испытывать неизвестные приборы, особенно без вас. Да и вообще эта тема мне, честно говоря, не очень интересна...

Физик прищурился:

– Неужели тебе не любопытно? Испытать что-то новое, изучить то, что мало кто знает.

Иван помедлил, раздумывая.

– Надо же. Удивительное вы поколение, – учитель, не дождавшись ответа, встал из-за стола и начал вышагивать вдоль доски, – В наше время мы бы все отдали за возможность испытать новую технологию. Мы грезили космосом, научными открытиями. Мы были любопытными, черт возьми. Помнишь мальчика из «Гости из будущего»? Сколько времени он раздумывал, прежде чем встать на машину вре-

мени? Нисколько! У него даже сомнений не было – это же приключение! А вы... эх... променяли мечты о настоящем космосе на компьютерные игрушки. Вот скажи, о чем ты мечтаешь? Кем хочешь быть, как хочешь изменить мир... да и хочешь ли?

Опять этот дурацкий вопрос «кем хочешь стать». Тоже... нашел образец мечты! Это раньше в космонавты мечтали идти те, кто хотел прогуляться по Марсу или Венере, а болтаться годами на орбите и пить собственную переработанную мочу – как об этом можно мечтать?

Вместо ответа Иван неопределенно пожал плечами и устался на парту. Продолжать этот дурацкий разговор с учителем он больше не желал. Не было бы у того предмета для шантажа, Иван бы давно встал и, хлопнув дверью, ушел из класса. Что они, сговорились с психологиней в одну и ту же больную точку бить?

– Вот, вот, – продолжил физик, – вот, вот. Я про это и говорю. Тебе предлагают нечто необычное, новое и интересное, а ты равнодушно отказываешься. Никаких стремлений, никаких мечтаний. В конце концов, чего ты теряешь? Я же не буду тебя экзаменовать осенью. Просто расскажешь свои мысли по поводу всего, что прочитаешь и узнаешь, испытав этот прибор. Открыть для себя что-то новое в физике всяко лучше, чем на улице кулаками махать, – Александр Сергеевич ехидно улыбнулся, внимательно смотря на ученика поверх очков.

Иван намек понял.

– Ну да. Хорошо. Я попробую разобраться, – уныло сказал он, убирая черную таблетку в рюкзак.

– Вот и замечательно, молодой человек. Думаю, когда увидимся в следующий раз, ты будешь более многословен, – Александр Сергеевич сухо улыбнулся на пару секунд, – а теперь не буду тебя больше задерживать.

Иван несколько секунд сидел и постукивал пальцами по парте, не веря, что его так просто отпускают. Затем поднялся, буркнул: «До свидания», – и вышел из класса.

За дверями, подпирая стенку, стоял Пашка. Он плотно закрыл за Иваном дверь и с нетерпением спросил:

– Ну как, сильно влетело?

– Ты знаешь... он почему-то вообще меня не ругал.

– Это как? Хвалил что ли? За то, что заступился за девушку?

– Да нет, – Иван отмахнулся, – вообще о вчерашнем речь почти не заходила. А-эс сказал, что хочет позаниматься со мной индивидуально. Типа к олимпиадам и к проекту подготовить в следующем году. Потом начал нести вообще какую-то чушь. Еще учебник странный дал вместе с прибором. Типа задание на лето. Проект начать делать.

– Хм. Забавно. Не думал, что ты физику любишь. Ты ж вроде по географии проект собирался начать...

– Люблю физику?! Скажешь тоже.

– А на фига это тебе тогда?

– А куда деваться? Если откажусь, то он намекнул, что может припомнить вчерашнее. Думаешь мне после педсовета это надо? Да и потом, проект то в следующем году точно придется сдавать. А географ меня невзлюбил после того случая...

– Ну ладно. Там все наши в футбол во двор пошли играть. Го? Может еще успеем, – Паша надеялся успеть до назначений вратарей на ворота. Он за два года вымахал почти на голову и теперь был растянутой по вертикали копией себя. Со временем на длинных ногах и руках, пока состоящих из сплошных локтей и коленок, нарастет мясо и Пашка явно будет здоровым богатырем, но сейчас в футбол его брали играть разве что вратарем. Иначе он в своих же собственных ногах путался.

Вечером они с Пашкой рубились в Манчкин в спальне Ивана, пока двое его соседей по комнате торчали в компьютерном классе. За игрой Иван и рассказал в деталях о разговоре с физиком. Некоторое время они еще выкладывали карты на стол, но потом Павел замер и в задумчивости почесал переносицу. У него на лице появилось знакомое отрешенное выражение. Когда Иван вместе с другом смотрел детективы, то очень часто еще в начале фильма у Пашки появлялся этот рассеянный взгляд, и спустя пару минут тот вдруг

называл убийцу и мотив преступления. Иван любил шутить, что другу вместо математического факультета, куда тот планировал пойти, надо податься в следователи. Того явно ждала бы слава нового Шерлока Холмса.

На сей раз Павел, вынырнул из своих мыслей и сказал:

– Вообще все это очень странно.

– Что именно?

– Ну вот эта история с А-эсом. Ну сам посуди – ты... и физика. Я понимаю там Гаврилова или Карцев. Они через год могут и на межнар по физике поехать. Так они же непрерывно ботают. На кучу дополнительных занятий ходят. И побеждают, заметь, уже сейчас. А-эсу бы с ними заниматься. Ты же физику с трудом терпишь. Это раз. Результат у тебя даже на муниципале никакой. Это два. Таких как ты, в школе полно, – Павел тактично умолчал, что он то в этой олимпиаде стал одним из победителей, – ты не обижайся только. Я в смысле физики...

– Ну спасибо тебе, дружок, – Иван сделал вид что надулся. Потом, видя испуганное лицо друга, всегда испытывавшего проблемы с чувством юмора, рассмеялся, – Да ладно, шучу. Мне реально на физику совершенно наплевать. Не мое это. Ты прав. Я не понимаю с чего А-эс ко мне прицепился.

– А я знаю с чего. Но не понимаю зачем, – друг опять в задумчивости потер переносицу.

– В смысле?

– Он тебя позвал сразу после драки на улице... типа сразу

захотел тебя учить. Я вот не верю в такие совпадения. Если все обстоит так, как он заявляет, то почему не пригласил после олимпиады? Почему только перед каникулами, когда понятно же, что за лето ты все забудешь? Как-то все это нелогично. Причина в том происшествии на улице. Я не понимаю какая тут связь, а она точно есть. Я чувствую, но не могу уловить. Что ты там такого на бульваре сделал необычного? Может ты мне не все рассказал?

– Да нет же! Клянусь, все так и было, – уже по-настоящему вспылит Иван, вскочил и замахал руками от негодования, – ты что думаешь, я от тебя скрывать буду что-то? Да и что вообще там из обычного то было? Псих, считающий себя вампиром, чуть не обгадился со страху, когда я ему по роже залепил. Это, по-твоему, обычно?

– Ну тогда логики нет вообще, – тихо продолжил Пашка, – то, что ты в каждой бочке затычка и лезешь всех защищать – это, прости, всей школе известно. Особенно после педсовета. С чего А-эсу теперь удивляться, и откуда вдруг такое нелепое стремление сразу после этого чему-то тебя учить? Ну странный тот чувак был, да. Физика то тут при чем?

– Он и не удивлялся, – буркнул Иван, садясь обратно.

– Но очень странно себя повел... как будто нашел как, наконец, заставить тебя... – Пашка замолк, задумавшись.

– Ну не тяни, – Иван собрал карты и начал складывать их обратно в коробку. Игра явно не заладилась и продолжать ее больше не хотелось.

Павел вздрогнул, очнулся и вдруг попросил:

– Дай посмотреть те листки и штуковину.

Иван достал из тумбочки распечатку и прибор. Пашка полистал, просмотрев по диагонали некоторые страницы. Потом взял прибор, повертел в руках и пожал плечами:

– Я бы на твоём месте его не трогал. Подозрительно все это. Вот эта ерунда, – друг потряс листочками, – вообще к физике не имеет никакого отношения. Это мистика какая-то, физикой только в начале прикрывающаяся. Что-то из области теорий про снежного человека, НЛО и подобной фигни. Как управлять миром, не привлекая внимание санитаров. Разве только пентаграмм для вызова демонов не нарисовали. Вот тут в конце написано: если бы был другой мир, где мы могли бы больше влиять на поведение атомов силой своей мысли, то люди бы стали как боги. Ты представь себе... выходишь ты с этим проектом к комиссии... ты же понимаешь, что посмешищем станешь? И какое отношение это имеет к олимпиадам по физике, которыми А-эс прикрывался?

Иван пожал плечами.

– Правильно, никакого. То есть он врет или что-то недоговаривает. Если врет в одном, значит может врать и во всем остальном. Поэтому, что реально вот эта коробочка с одной кнопкой делает, вообще неизвестно.

– Думаешь бомба? – усмехнулся Иван.

– Не думаю, потому что смысла нет. Он же не просил тебя

принести ее туда, где людей побольше и только там нажать кнопочку. Да и не похож А-эсыч на террориста. Нет, тут что-то другое. Но я не понимаю что. Мне лично в голову только всякий фантастический бред лезет про инопланетных шпионов и их устройства.

Иван фыркнул. Потом оживился и сказал:

– А давай ее развинтим сейчас и посмотрим?

– А вдруг он на это и рассчитывал?

– Да ладно. Дай сюда, – Иван быстро отобрал прибор у друга, пока тот не передумал, и осмотрел со всех сторон. Потом разочарованно бросил на кровать:

– Ни одного винтика. Даже щели нет. Его вообще не разобрать. Только разломать можно. Как будто эту штукину целиком из пластика отлили. Слушай, а может там внутри пустота и она вообще ничего не делает, а физик просто шизик? Двинулся на почве мистики, и теперь выдает пустой кусок пластика с кнопкой за прибор.

– Хм... это вряд ли, – возразил Пашка, – не похож он на сумасшедшего. И все равно непонятно, при чем тут твоя драка на улице.

– А кто их шизиков поймет? У них мозг по-другому варит. Ну ладно. Черт с ним, – Иван убрал листки и прибор в тумбочку, – я и не хотел экспериментировать. Осенью верну и скажу, что ничего не сработало. Типа на кнопку жал, но ничего не произошло. Что-нибудь придумаю. Забудь. Давай лучше кино посмотрим.

Пашка посмотрел на часы и вдруг спохватился:

– Да нет, извини, не успеем. Мне уже домой пора. Мать волноваться будет.

Иван проводил его до выхода из школы. В воротах Пашка обернулся и повторил:

– Спрячь лучше эту хреновину подальше, а осенью действительно скажи, что не сработало. Ну там... ты ее водой типа случайно залил. Под дождь с ней попал. Любой прибор от воды должен испортиться.

– Ладно, ладно. Уберу ее подальше, не волнуйся. Может и правда утоплю.

В первую неделю каникул Иван остался в своей комнате в общежитии совсем один. Ребята разъехались по домам. Родители Пашки тоже купили горячие путевки, и друга срочно увезли куда-то на берега Средиземного моря.

Тетя обещала закинуть денег на билет только к пятнице, когда зарплату получит, так что вечера теперь пришлось проводить в полном одиночестве со смартфоном и фильмами. В последнее время он увлекся «Чужими». Наткнулся случайно на трейлер последнего фильма, и решил посмотреть всю историю с самого начала, начиная еще со старых серий. Даже на обои в смартфоне повесил картинку с «Чужим» в полный рост. Попутно скачал себе еще каких-то ужастиков

и теперь смотрел их перед сном.

В последний вечер в общежитии ему попался совсем уж жуткий фильм. Сидеть при этом одному в пустой темной комнате было немного страшновато. Зажигать свет было нельзя – воспитатель заметит, так что сидеть приходилось в темноте. Был уже первый час ночи. Он забрался под одеяло, чтобы было не так неудобно, но тогда его начало клонить в сон. Когда он поймал себя на том, что совсем клюет носом, то поставил фильм на паузу и пошел умываться. Уже больно хотелось досмотреть кино.

Висящая в ванной комнате тишина, нарушалась только редкими падающими каплями из протекающего крана.

Стоя возле раковины, Иван посмотрел на свое отражение. Жесткие волосы были опять всклокочены – он всегда, когда нервничал или был чем-то увлечен, взъерошивал их ладонью. Глаза выглядели уставшими.

Позади него зиял угольно черной темнотой дверной проем. Иван представил себе, как бы испугался, если бы сейчас увидел там в темноте чье-нибудь лицо и поежился. Он наклонился над раковиной, умылся, а, когда поднял голову, замер. Сердце сильно забилося, а по спине пробежал холодок.

Его отражение за это время не изменило своего положения. Кроме того, оно теперь еще и улыбалось. Иван отпрянул от зеркала. Отражение не шелохнулось. Зазеркальный двойник по-прежнему стоял, опершись двумя руками на раковину. «Это что, розыгрыш такой? Экран вместо зеркала?» –

сказал Иван вслух. Голос, отразившись эхом от стен ванной, глухо утонул в темноте комнаты. Он сдвинулся в сторону. Его отражение, недобро улыбаясь, пристально следило за ним взглядом. Такого эффекта с помощью экрана не добьешься.

Тут Ивану показалось, что отражение начало изменяться. Он шагнул поближе. Его двойник как будто выросел на глазах. Чуть ниже правого виска по скуле у парня в зеркале протянулся тонкий шрам. Волосы стали длиннее и доходили уже до плеч, а глаза... глаза теперь светились. Привычный серый цвет высветлился практически до белого, и в радужке как будто клубился белый с серыми искрами светящийся туман. Иван приблизился к зеркалу вплотную, чтобы внимательнее разглядеть глаза двойника.

Внезапно отражение выбросило вперед руку, пронзив стекло как поверхность воды, и схватило его за шею. Иван испугался и дернулся, но держали его крепко. Он уперся двумя руками в зеркало, но двойник легко выдернул его сквозь зеркало на свою сторону. На мгновение Иван испытал сильное головокружение. Когда мир вокруг перестал вращаться, он вдруг понял, что совсем не чувствует ни рук, ни ног. Он подумал о том, что хочет обернуться и это у него получилось. По ту сторону зеркала, упершись руками в стекло, так и продолжало стоять его тело.

Иван бесплотным духом против своей воли летел по темному тоннелю следом за шагающим к свету зеркальным

двойником. Неожиданно из темноты появились тени в фиолетовых мантиях. Они кружили вокруг и старались загородить путь юноше впереди. Двойник Ивана захохотал, запрокинув голову, а затем, словно дракон, внезапно выпустил изо рта мощную струю пламени. Фиолетовые тени вспыхивали, визжали и металась по большому залу вокруг. Они уже освободили проход и теперь просто старались спрятаться от пламени. Ивану стало их даже жалко, но его двойник поливал огнем все вокруг, безжалостно сжигая призраков в мантиях. Всех до последнего. Только после того, как зал полностью опустел, он продолжил свой путь.

За это время отражение стало как будто выше, раздалось в плечах, а одежда незаметно превратилась в блестящие золотыми вензелями хромированные латы.

Вслед за двойником Иван вылетел на просторный балкон, возвышавшийся над большой площадью. Все пространство внизу было заполнено ликующей толпой. Люди приветствовали юношу в латах криками: «Бог-император! Слава богу-императору!»

Иван заглянул своему повзрослевшему двойнику в светящиеся глаза и ужаснулся той страсти и азарту, что увидел в них. Его отражение упивалось властью и наслаждалось энергией ликующей толпы.

Иван моргнул, и его двойник опять изменился. Он опять повзрослел на несколько лет. На щеке появился еще один шрам, а волосы были опять коротко пострижены. Латы уже

блестели хромом, а стали матово-черными. На этот раз глаза юноши пылали яростью. Он оскалился и махнул рукой, отдавая кому-то знак. Иван обернулся.

Внизу под крепостной стеной, на которой они стояли, опять бушевала толпа, вскидывая руки в мольбе к юноше в черном. Иван разглядел лица женщин, детей, стариков. Взрослых мужчин там не было. Перед толпой, опустив по сигналу пики, стоял плотный строй воинов в черных доспехах. Солдаты, повинаясь приказу юноши, сделали первый шаг и вонзили копья в беззащитных людей. Послышались визг и крики.

«Нет!» – закричал Иван от ужаса... и проснулся.

Уже рассвело, и первые лучи яркого майского солнца, проникнув сквозь щель в шторах, освещали находящийся прямо перед его глазами портрет девушки на прикроватной тумбочке. Смартфон, выпав из рук, лежал рядом.

Иван встал, прошел в ванную и умылся, стараясь прогнать ночной кошмар прочь. Когда он выпрямился, то еще, наверное, с минуту ошарашено смотрел на следы своих ладоней на зеркале.

Они были ровно там, где он упирался в стекло, сопротивляясь своему отражению во сне.

Глава 2. Океан за порогом

Лето пролетело как всегда быстро. Вроде только-только приехал в свой двор, где провел все детские годы и встретился со старыми друзьями, выросшими за год так, что их с трудом можно было узнать. Только вспомнили старые совместные игры и придумали новые... как вдруг внезапно оказывается, что уже август, и пора задумываться об учебе и о скором переезде в интернат. Одновременно с этим Иван внезапно вспомнил, что на лето задавали прочесть кучу литературы, а кроме того, были еще какие-то задачи для самостоятельного разбора по математике, которые должны проверить в первые же дни учебы.

Чтобы теперь хоть что-то успеть сделать для школы, он составил строгий план занятий и начал даже каждый день вставать пораньше, чтобы максимум времени уделять урокам. Он скачал себе нужные книжки и достал со дна заброшенного под кровать чемодана учебники. Вместе с ними появился на свет и непонятный прибор физика. Каждый день, когда Иван садился за чтение или математику, его взгляд волей-неволей падал на пластмассовую коробку, которую он использовал просто как груз, чтобы от сквозняка из открытого окна не сдувало листки со стола.

Странные сны почему-то прекратились. Он больше не бегал по таинственным замкам, не вышибал двери и не видел

свою фею. Иван даже соскучился по ней. Признаться, его пугала мысль, что странные видения исчезли насовсем. Лишь однажды под утро, когда он был уже на грани пробуждения, ему привиделось что-то похожее на те сны. Он увидел взрослую женщину с длинными русо-каштановыми, почти как у него, волосами, но с такими же, как у феи ярко синими глазами. Женщина внимательно изучала его некоторое время, а потом строго сказала: «Поспеш, Дэйв. Поспеш, пожалуйста. Время уже на исходе. Еще немного и ты можешь опоздать. Опоздать на всю жизнь». Тут Иван проснулся и некоторое время лежал, раздумывая: был ли этот сон «особенным» или он просто вообразил себе невесть что в полудреме. Что имела в виду неизвестная, куда ему надо было поспешить и почему та назвала его незнакомым чужим именем?

Как-то раз, когда Иван уже второй час безуспешно бился над трудной геометрической задачей, он в раздражении резко махнул рукой, отгоняя назойливую муху, и ненароком сшиб со стола прибор физика. Легкая черная коробочка отлетела к стене и с хрустом ударилась об нее. Подняв прибор с пола, Иван начал вертеть его в руках, рассматривая со всех сторон: не разбился ли тот случайно и нет ли на нем трещин. «Как удачно было бы если бы он все-таки треснул», – мелькнула в голове подлая мысль. От физика может за это и попадет, но зато какое шикарное объяснение почему он им так и не воспользовался.

Тут Ивану стало неприятно от самого себя. Ведь он про-

сто трусит и ищет оправдание своему страху. Подленькое такое оправдание. Вдруг это действительно ценная вещь, а он готов сломать ее просто из-за того, что боится испытать? В голове всплыли и слова психолога, о том, что он бежит от ответственности за свои поступки, и речь физика про то, что его поколение перестало искать приключений. Еще не к месту вспомнился последний сон, где синеглазая женщина просила его поспешить. Не с этим ли прибором следовало поторопиться?

Сжав зубы, он постоял минуту, а потом, внезапно решившись, нажал на кнопку. К черту эти Пашкины подозрения! Чем он действительно рискует? На всякий случай он тут же отбросил прибор на пол. Тот откатился в сторону закрытой двери, что вела из комнаты в коридор.

Иван замер. Он настороженно вслушивался в свои ощущения и вертел головой, осматривая комнату. Ничего не изменилось. Мир был прежним. Никаких обещанных физиком эффектов, которые тот хотел обсудить после каникул, не было. На стене тикали старые часы, за окном шумел знакомый двор, с которого, кстати, донеслось: «Вань, ну выходи давай», – это друзья со двора звали его погонять в футбол, пока не наступил обещанный по телевизору дождь. «Что и следовало ожидать», – сказал Иван и расслабился.

Он на всякий случай подождал еще минуту, но никакого действия от странного прибора так и не дождался. Пожав плечами, он аккуратно поднял коробочку и вернул ее на

стол. Грустно посмотрев на исписанные листки с нерешенной задачей, он махнул рукой, подошел к окну, высунулся и крикнул друзьям, что сейчас спустится. Взял со стола смартфон и на всякий случай выключил его. Тетя имела обыкновение настойчиво звонить, требуя вернуться домой в самые неподходящие моменты. Не брать трубку было нельзя, а вот в случае «абонент не абонент» можно было отвертеться, списав все на плохую связь.

Небо действительно начинало наливаться на горизонте большой тяжелой тучей, так что Иван переложил смартфон в водонепроницаемый чехол. Тетя специально купила его и настаивала на каждодневном использовании после того, как однажды, побегав с друзьями под дождем, он испортил предыдущий. Иван сунул чехол в карман джинсов и выбежал из комнаты.

Выбежать не получилось. Получилось выпасть. Распахнув дверь, он уже понял, что что-то не так, но по инерции не успел остановиться, завершил шаг через порог и ухнул с головой в теплую соленую воду.

От шока и удивления Иван первые мгновения вообще не двигался. Тупо смотрел, как опережая друг друга поднимаются вверх пузырьки воздуха из одежды. Он вообще не понял, что произошло. Перед глазами все стояла та картина, что он успел увидеть перед падением. Бескрайний лазурный океан. Океан за его дверью! Даже не за входной дверью в квартиру. Вода встретила его за порогом комнаты!

Внезапно он почувствовал, что дышать то очень хочется и отчаянно замолотил руками и ногами, пытаясь выплыть на поверхность.

Иван вынырнул и хотел было оглядеться, но ему помешали волны. Плавал он плохо. Где ж научиться, когда из доступных водоемов только мелкая речка. Он уверенно держался на воде, но двигался неумело, тратя много сил, а тут вообще в первый раз оказался в море и совершенно не понимал, как бороться с волнами. Несколько раз его неожиданно захлестнуло с головой, и он нахлебался противной соленой воды, прежде чем немного приноровился вовремя подгребать руками и подскакивать вверх вместе с волной. Только тогда, периодически оказываясь выше гребешков, Иван смог оглядеться. Никакой двери, через которую он попал сюда, не наблюдалось. Вода окружала его со всех сторон. Зато, к счастью, берег все-таки рядом был, и даже относительно недалеко, так что он уверенно начал грести в сторону песчаной полосы, блестящей золотом на ярком солнце.

Спустя минут пять стало понятно, что расстояния в море очень обманчивы. Берег вроде был совсем рядом, но за это время ничуть не приблизился, хотя Иван уже устал. Все силы уходили на борьбу с волнами, и было непонятно, сдвинулся ли он хоть немного в сторону земли, или все это время греб на месте. В голове подло всплыли прочитанные где-то ужасы про приливные течения, которые относят от берега даже опытных пловцов.

Иван перевернулся на спину и попытался отдохнуть, лежа на волнах, но тут же нахлебался воды, потому что очередная волна опять захлестнула его с головой. Он вспомнил, что стоило бы стянуть джинсы и кроссовки и плыть тогда стало бы намного удобнее, но из-за начинавшейся паники уже не решился нырнуть, чтобы раздеться. Шнурки он всегда завязывал туго и аж на три узла, чтобы не развязались. Сил осталось немного, и он вовсе не был уверен, что сможет развязать мокрые узлы.

Иван окончательно запаниковал. Угроза утонуть была с каждой минутой все реальнее. Страх придал ему энергии, и он отчаянно начал загребать руками с удвоенной скоростью. Однако, и эти внезапно появившиеся силы были конечны. Руки начали ныть от усталости, а мозг уже был занят только тем, чтобы успеть выдохнуть и, главное, вдохнуть обратно, как только рот оказывался над водой. Счет времени Иван совсем потерял. Он работал как автомат. Загрести, вынырнуть, вдохнуть, выдохнуть, опять загрести. Руки болели и дрожали от напряжения. Перед глазами плясали темные мушки.

Когда его колени коснулись дна, Иван с трудом это осознал, и еще некоторое время загребал руками на мелководье, пока опять не захлебнулся. Волны у берега начали заворачиваться, обрушиваться сверху и тащить обратно на глубину. Он полз на четвереньках, стараясь удержаться, пока вода била его по голове и спине камнями и песком. После очередного удара булыжником в глазах потемнело. «Лишь бы не

потерять сознание», – твердил он про себя и полз. Наконец песок перед глазами перестал быть мокрым, и лишь тогда он позволил себе упасть и отключиться.

Очнулся Иван в каком-то помещении. Дневной свет пробивался через большие щели в старых кривых досках и освещал унылые внутренности какого-то сарая, собранного, казалось, из всего, что попало под руку. Вместо пола был утоптаный песок пляжа. Через щели с завыванием проникал морской ветер, наигрывая на них, как на органе, свои мелодии. Судя по запаху моря и шуму волн, сарай стоял прямо на берегу, совсем недалеко от воды.

Во рту у Ивана скрипел песок и чувствовался противный вкус морской соли. Он попытался встать, но у него сильно закружилась голова. Чтобы не упасть, он судорожно схватился рукой за стену и стал опускаться обратно на твердую лавку. В этот момент чьи-то руки подхватили его и аккуратно помогли принять вертикальное положение.

– Очнулись, господин, – проскрипел над ухом старческий голос, – Вы уж извините, что пришлось тащить вас сюда по песку. Годы то уже не те. Нести я вас не мог, а скотиной не обзавелся.

Иван выплюнул песок изо рта и обернулся. Костлявый седой старик производил впечатление еще большей ветхости и бедности, чем его жилище. Его одежда состояла из сшитых воедино кусков кожи, просоленной морем парусины и тонкой ткани, которая на заре своей юности была чьей-то бе-

лой рубахой, но потом явно успела поработать еще и половой тряпкой.

– Вы уж извините, господин, – заискивающе повторил старик, склоняясь в поклоне и выпрямляясь на каждой фразе, как раскачивающийся китайский болванчик, – я не могу вам предложить ничего, кроме воды. У меня сейчас совсем нет еды. Я как раз вышел набрать моллюсков на обед, когда нашел вас. На море вот-вот начнется шторм, и я решил перенести вас сюда. Постель постелил как мог, хотя подобное жилище, конечно, не подходит вам. Я не хотел вас оскорбить, господин, но спрятаться от волн и ветра тут больше нигде.

– Что вы! Не извиняйтесь. Спасибо, что помогли, – произнес Иван, удивившись как хрипло звучит его голос.

Он оглядел помещение. Свет проникал через все стены, значит дом состоял только из одной комнаты. Сильный ветер завывал из всех углов сразу, создавая удивительный стереофонический эффект. Казалось бы, любой шторм должен был разнести эту хибару на кусочки еще несколько лет назад. Да и как тут зимой вообще жить то?

Иван сидел на большом сундуке с плоской крышкой, застланном козлиными шкурами. В небольшой комнате сумели разместиться еще кривоватый, сколоченный из посеревших от времени и соли досок стол, два совершенно различных по форме древних стула, небольшая железная печка и даже неуместно выглядевшее здесь большое плетеное кресло-качалка, стоявшее возле единственного окна, затянутого

мутной пленкой.

Пока старик неожиданно для его возраста энергично суетился и растапливал печь, на которой стоял помятый железный чайник, Иван задумался о том куда же он все-таки попал.

Виной всему был злосчастный прибор. Это точно. После нажатия кнопки он отбросил черную коробку к двери и вот результат. Там оказался океан вместо привычного коридора. По словам учителя, прибор должен был только что-то ему показать, но вместо этого Иван провалился в какое-то иное место. Так куда же? Он на Земле, или, как подсказала внезапно пришедшая в голову мысль, от которой по спине пробежали холодные мурашки, это какой-то другой мир, который описывался в выданных физиком листочках?

Нет! Об этом думать не хотелось. Иван даже помотал головой для достоверности. Пусть он будет на Земле. В России. Старик-то говорил по-русски. Со странным акцентом, необычно смягчая некоторые согласные, но болтал свободно, как на родном. Смущало только теплое как парное молоко море.

– Простите... я где-то на берегу Черного моря? – решился спросить Иван.

Старик аж подскочил, едва услышав «простите», и тут же опять склонился в глубоком поклоне:

– О господин, нет. Это Ядранско море, еще именуемое иногда морем Адрии. Я не знаю никого, кто называл бы его

черным... хотя во время штормов оно бывает весьма темным. Кстати, господин, я не решился вас раздеть, но раз вы до сих пор не высушили вашу одежду... давайте повесим ее над печкой. Вы же можете завернуться в эту козью шкуру, если, конечно, сочтете это для себя приемлемым и достойным.

«Ядранско море... Бред какой-то», – прошептал Иван. Сидеть в мокром действительно было зябко. Из щелей в спину дуло холодом.

Он разделся до трусов и завернулся в черную косматую шкуру, которую старик достал из сундука. Стало значительно теплее. Голова все еще кружилась, а мышцы отчаянно ныли. Ноги дрожали от усталости. Он решил пока прилечь обратно. Достаточно быстро Иван согрелся и не заметил, как задремал.

Проснулся он от шума за стеной. Старика в доме не было. Очень хотелось есть, но в целом он чувствовал себя уже неплохо.

Иван принялся спешно натягивать на себя высохшую, но задубевшую от соли одежду. На улице что-то происходило. Неизвестные люди что-то кричали старику, а тот оправдывался. Быстро завязав кроссовки, Иван прикинул глазом к щели в стене. Было видно только старика, стоящего на коленях

и склонившегося ниц. Тот ненадолго поднимал голову, что-то говорил, и снова утыкался лицом в песок. Тех, кого тот так боялся, никак не получалось разглядеть – через щель виднелись только задницы лошадей.

Иван прислушался.

– Да, да... я вас кликнул, чтобы вы молодому господину помогли! – донеслось до Ивана, – Я же говорю, в кораблекрушение господин попал, еле выплыл, а я его укрыл и обогрел. Ведь жизнь благородных превыше всего.

– Да какого еще господина, что за чушь ты несешь?! – раздался юношеский голос, – Кто в этот сарай вообще сунется? Ну-ка, Карл, проверь кого там эта плесень господином зовет.

Дверь лачуги распахнулась, и внутри сразу стало тесно от трех здоровенных солдат в латах и островерхих шлемах, словно сошедших с кадров какого-нибудь сериала про Робин Гуда. В руках мужчины держали обнаженные узкие длинные клинки. Без всяких колебаний Ивана быстро скрутили, больно заломив руки за спину, вытащили из хижины и ткнули носом в песок. Его держали за руки, не давая пошевелиться, а еще кто-то поставил ногу на спину.

– И это твой господин? —с издевкой спросил юноша.

– Да, господин, – голос старика дрожал от страха, – Одет ведь по благородному, да и выплыл на берег в бурю один без лодки. Известно же, из-за рифов даже корабли отсюда далече ходят. Да и не переплывет ни один человек рифы-то. Разобьет волна. А он проплыл. Значит из благородных. Си-

лой владеет... – быстро, сбиваясь, вздохнув, пытаюсь успеть сказать прежде, чем последует наказание, бормотал старик.

– Старик, ты меня насмешил, кем бы ты там не был. Какого-то бродягу записать в благородные и лебезить перед ним! Да ты уже сам себя наказал. Небось, весь свой обед на него потратил, – с усмешкой сказал невидимый Ивану юноша и как-то странно, как это обычно делают слегка подвыпившие люди, загоготал, – Нет, наказывать мы тебя не будем. Ты просто туп... но предан. Мы это ценим. Иди в дом. Отпустите его. Ну а ты, самозванец, кто таков?

Ивана схватили за волосы и приподняли голову.

Перед ним стояло множество лошадиных ног. Он перевел взгляд еще чуть выше, но зажмурился от слепящего солнца. На фоне яркого неба были видны только темные силуэты. Пятеро стражников в островерхих шлемах и высокий юноша с длинными волосами, перехваченными лентой.

Ивана пнули ногой, чтобы он поспешил с ответом. Но что говорить? Как вообще эти отнесутся к правде. Здесь точно не Земля. Шпаги, доспехи, всадники... какое-то дремучее средневековье. Если ляпнуть, что он прилетел из другого мира, то еще, чего доброго, могут счесть колдуном и вообще сжечь на костре. Проверять на собственном опыте есть ли в этом мире инквизиция не хотелось.

Удивительно, но страха не было. После пережитого в море все происходящее скорее удивляло, чем пугало. словно он оказался в каком-нибудь квесте или на съемочной площадке.

Иван вспомнил типичный глупый прием из сериалов:

– Я не помню! Ничего не помню. Плыл к берегу... потом очнулся у этого старика. Все, что было до этого, забыл. Как в воде оказался... ничего не помню, – Иван постарался подпустить трагических ноток в голос. Актер из него был никакой, но в это время «господин» на лошади пьяно икнул, и Иван понял, что тот уже находится в той стадии, когда мало понимают длинные речи и уж точно не могут распознать ложь.

Юноша на коне поморщился и махнул рукой:

– А он забавный. Карл, я хочу в замке с ним разобраться. Жаль Ирма не поехала с нами, а ускакала, леший знает куда. Она бы сразу все поняла. Пусть его привяжут к седлу и... к нам в подвалы. Вот ты... как там тебя зовут? А... неважно. Останься. Приведешь мальчишку. Остальные за мной

Юноша пришпорил лошадь и поскакал по песку прочь. Всадники послушно припустили за ним. Оставшийся солдат поднял Ивана с колен и подтолкнул к лошади.

– Будь ты взрослый мужик, то бежал бы у меня за конем привязанным... но тебя, мальчика, жалко. Смирно вести себя будешь, тогда на седло сядешь. Гоношиться начнешь – перекину через седло, как господин велел, и тогда все дыхание выбьет по дороге, – пробурчал стражник.

– Буду смирно себя вести, – послушно ответил Иван.

Он вставил ногу в стремя и попытался как в кино лихо заскочить на коня, но это только на первый взгляд выглядело легко. Если бы солдат не подставил плечо, то Иван грохнул-

ся на землю. Когда он кое-как вскарабкался в седло, провожатый связал ему ноги, продев веревку под животом коня и привязал руки к седлу. Взяв поводья, солдат повел лошадь шагом вслед за умчавшимися всадниками.

«Ну что же. Начнем знакомство с этим миром с конной экскурсии», – пробормотал Иван, пытаясь найти в происходящем хоть каплю позитива. Он был уверен, что оказался во времена если не Робин Гуда, то, как минимум, мушкетеров. Кольчуги и шпаги на это совсем недвусмысленно намекали. Однако, уже в начале пути он понял, что ошибся. Притороченные к седлу кожаные сумки застегивались на самую обычную металлическую молнию. Иван попытался вспомнить: когда ее изобрели на Земле? Уж точно не раньше девятнадцатого века. Он немного, насколько позволяла веревка на руках, расстегнул застежку. Сумка была пуста, но на боковой стенке был пришит обычный земной шильдик. «Made in China».

Как только они выехали на большую дорогу и почапали вдоль небольшого поселения, он окончательно понял, что попал совсем не в средние века, а в какой-то бардак. Словно на съемочной площадке исторических фильмов устроили грандиозную распродажу реквизита и каждый нахватал себе наобум вещей из разных эпох. Да ладно бы только одежду или элементы декора. Там, похоже, и дома раздавали. Чем ближе они подходили к городу, тем больше Иван приходил в замешательство. Пластиковая вывеска над придорожным

кафе, с надписью «У Борова», современный велосипед, при-
слоненный к забору большого каменного коттеджа, на бал-
коне которого в шезлонге загорал пузатый человек, обутый
в резиновые сланцы. Но одновременно с этим они проезжа-
ли деревянные избы и мазанки, обгоняли телеги и прочие
повозки, управляемые лошадьми. Да и люди победнее были
одеты более-менее так, как он привык видеть в старых чеш-
ских сказках: кафтаны, кожаные штаны, куртки и плотные
грубые рубахи.

Больше всего поражала тишина. В Москве он так привык
к постоянному шуму города, что уже не замечал его, но ко-
гда вокруг стало по-настоящему тихо... это сразу обращает
на себя внимание. Конечно, где-то стучали молотки, цока-
ли копыта, разговаривали люди... но по сравнению с шумом
настоящего города это была практически идеальная тишина.
Здесь точно не существовало ни автомобилей, ни иных дви-
гателей.

Грунтовка уступила место мостовой, а дома стали камен-
ными, в три-четыре этажа, с типичными для Европы тем-
ными балками на фасадах. Иван как-то на географии делал
доклад про Прагу и у него теперь было полное ощущение,
что он едет по брату-близнецу чешской столицы. Город был
красивый, но по сравнению с Москвой какой-то уж слишком
мрачный и готичный.

Ужасно бесило, что на него все пялились, показывали
пальцем, и о чем-то таинственно перешептывались. Ну и что,

что он одет по земному? Он видел тут людей в джинсах, как у него. Правда все они явно были из богатеев. Если в Москве ценились бренды, то тут признаком роскоши, судя по всему, являлись вещи из его мира. Интересно, его что, воспринимают сейчас как арестованного олигарха?

Да куда же он попал то, что за дичь вообще происходит? Его ведет солдат, одетый как будто кто-то скрестил стражу ноттингемского шерифа с гвардейцами кардинала. Чуть поодаль пара мужчин в одинаковых черных кожаных косухах, беседует с господином в черном фраке и в цилиндре викторианской эпохи. Навстречу проехала шикарная открытая конная повозка с женщиной в белых кружевах и шляпке, наводивших на мысли о девятнадцатом веке и героинях Чехова или Тургенева. Рядом с ней сидел полноватый лысеющий мужчина в атласном кафтане и джинсовых бриджах. А здания? В центре города вообще царил полный бардак. Белоснежный классический особняк с колоннами стоял рядом с невыносимо малиновым зданием в стиле барокко, обильно обляпанным белыми и золочеными завитушками. За ним виднелось какое-то футуристическое нагромождение неоштукатуренных бетонных кубов, при проектировании которых архитектор был явно не в себе. А на другой сторону улицы обычное светлое каменное здание с темными балками на стенах. Прага Прагой. Только надписи везде на русском. Дореволюционном, с ятями.

Пока они плелись по узким улочкам, ноги совсем затек-

ли. Все тело ниже пояса отдавало болью с каждым шагом лошади. Потом кобыла еще невыносимо долго тащилась кривой петляющей дорогой на замковый холм. Иван старался отвлечься от боли разглядывая шикарную панораму на вторую половину города, находившуюся за неширокой рекой. Все здания тут были не выше трех-четырех этажей. Над ровными рядами крыш возвышалась только ратуша с часами. Ближе к центру возле самой реки виднелся огромный парк.

Старые высокие стены и зубчатые башни замка опять вернули Ивану ощущение, что он попал в дешевый сериал про рыцарей, в котором режиссер забывает про историческое соответствие мелких деталей и по ошибке оставляет асфальтированный проход в воротах и фонари на стенах. Сами ворота в замок имели нездоровый сиреневый цвет со странным оптическим эффектом типа окраски «хамелеон». По мере того, как лошадь приближалась, ворота становились все темнее и темнее, и вблизи приобрели логичный оттенок старого дуба. Ведущий его стражник почему-то остановился в проходе и с удивлением уставился на них буквально как баран. Иван вежливо покашлял. Его провожатый вздрогнул и потащил коня дальше.

На асфальтированном внутреннем дворе замка царила хорошо организованная суэта: женщины с тюками белья, разминающиеся в углу стражники, какая-то ребятня, ведущая под уздцы белоснежного коня. На него уже так откровенно не пялились, хотя косые любопытные взгляды Иван на себе

ловил. Прислуга тут была хорошо воспитана.

Солдат развязал его. Иван попробовал соскочить с лошади, но затекшие ноги его вообще не слушались. Он шмякнулся на асфальт как мешок с сеном и больно ободрал ладони, чем вызвал дружный гогот стоявших неподалеку стражников. Его сопровождающий кликнул их, и Ивана подхватили за локти и резво потащили куда-то в боковую неприметную дверь.

Его практически пронесли по длинной лестнице вниз и привели в темный коридор с крепкими старыми дверями по сторонам. Тянуло холодом, плесенью и сыростью. Это было самое настоящее подzemелье из дешевого американского сериала, только на каменных стенах вместо факелов находились металлические светильники, в которых плясали веселые желто-голубые язычки газа.

Ивана завели в небольшую камеру. Стражник собирался уже закрыть дверь, но он решился все-таки спросить:

– Эй, подождите! А надолго меня сюда? – и добавил уже в полголоса – И еще хотелось бы знать за что.

– Пока господин не велит тебя явить пред его светлы очи, – строго ответил усатый стражник. Потом, оглядев узника с ног до головы, смягчился, и сказал чуть тише – Если повезет, то после обеда кликнет.

– А если не повезет?

– А если не повезет, то за обедом еще вина выпьет, и устанет. Тогда, значит, спать ляжет. И кто его знает, вспомнит

ли про тебя потом, как проснется. У нас тут один почти неделю сидел. Только баланду жрал зазря, – стражник охотно запугивал узника и не спешил отойти от двери. Наверное, не часто ему удавалось хоть кому-то высказать свое недовольство.

– Ну потом то его отпустили?

– Ага, плетей всыпали и отпустили. Чего только мариновали, непонятно. Мне дежурить всю неделю пришлось. Он, как и ты, у нас единственный сидел. А мне, представь, вместо чистой казармы наверху, пришлось здесь торчать. Из-за этой сырости у меня колени потом месяц еще болели. Ходи тут вверх-вниз за едой, да сиди в этом каменном сыром мешке. Тьфу. Леший бы тебя побрал парень!

С удовольствием заметив панику на лице Ивана, усатый довольно выдержал паузу, закрыл дверь, запер замок и сделал вид, что собирается уходить, но потом все-таки приоткрыл щель вверху двери, и добавил:

– Да не дрожи так от страха, пацан. Если хозяин о тебе забудет, тогда я завтра про тебя госпоже расскажу. Она разберется. А еще лучше сегодня. А то опять ходить туда-сюда. Эх. И да...это... не бузи тут. А то приковать придется. Сиди тихо. Сегодня-завтра просто выпорют и отпустят.

Стражник ушел, оставив ошарашенного Ивана осознавать услышанное.

Обстановка в камере была спартанской: два мешка набитых гнилым сеном, заменяющие узникам матрас, дыра в по-

ду с дурным запахом и кандалы на стене – вероятно для тех преступников, что «бузят». Свет с трудом просачивался через узкое оконце под потолком.

Подождав, пока шаги за дверью затихнут, Иван подошел к двери и подергал. К его удивлению, несмотря на то что массивная дверь была надежно прикреплена к стене выдвигающимися стальными штырями, кладка вокруг этих штырей опасно шаталась. Выбить дверь или вынуть удерживающие ее камни было не очень сложно.

Конечно, он не собирался бежать. Пробираться по незнакомому замку полному стражи... да и куда идти то? Тут хотя бы кормить будут.

Ему все еще не казалось, что он в серьезной опасности. Да и чего он действительно такого натворил? Выплыл на берег и все! Судя по всему, выглядит он богато. Видимо вещи с Земли тут конкретно стоят. Вот только настоящие «господа» никак не считали его ровней, несмотря на одежду. Есть еще какой-то признак, по которому они безошибочно могли определять своих. Надо вспомнить дореволюционную Россию. Кто там был из богатых и более-менее уважаемых, но не из господ? Купцы! Пусть он будет купеческим сыном. Он потерял память из-за кораблекрушения и забыл где его дом. Так за что его тогда наказывать? Совершенно не за что! Его позовут, послушают, позабавятся и отпустят. Главное, чтобы не забыли, как грозился, то ли в шутку, то ли всерьез уса́тый охранник.

Иван перестал нервно расхаживать по камере, и присел на мешок с сеном. Очень хотелось есть. До этого мозг был слишком занят новым миром и не обращал внимания на голод, но зато сейчас желудок решил взять свое. Иван попытался посчитать сколько часов прошло после легкого завтрака, который он съел еще утром в квартире. Но как долго он проспал в хижине старика? А еще без сознания на пляже валялся? Когда его подвозили на лошади к замку, солнце уже было низко, но кто его знает когда тут закат. Тетя, наверное, уже хватилась и обзванивает друзей. Могла даже полицию вызвать. Шутка ли, исчез перед обедом и до вечера его ни дома нет, ни друзья не видели. Когда он вернется, вот ругаться будет.

Тут Иван погрустнел и обхватил голову руками. Когда вернется... оптимист! А как? Дурацкий прибор физика остался в квартире. Он что, застрял тут навсегда?! В незнакомом мире, без документов, без денег и даже без элементарных знаний о местных правилах и порядках.

Хотя стоп. Тут же полно вещей с Земли! Не могут тут делать молнии и современные велосипеды со скоростями! Все это тащат из его мира. Туда кто-то ходит. Либо сами господа, либо купцы, которые эти шмотки привозят. Надо только их найти. Может у хозяев замка аккуратно спросить?

Кстати, о времени. Иван хлопнул себя по лбу: как же он забыл о телефоне? Он пошарил по карманам и понял почему не подумал о нем. Смартфон пропал. Иван припомнил,

что, когда снимал и надевал брюки в хижине старика, ему уже ничто не мешалось в карманах. Значит телефон к этому времени был уже потерян.

Елки палки, как же жрать хочется! Старясь унять чувство голода он лег на мешок и постарался задремать. Он проворочался где-то час, пока в коридоре наконец не раздались шаги. Дверь открыл усатый стражник в сопровождении еще троих солдат.

– Ну что, малой... повезло тебе. Глупостей делать не будешь?

– Не буду, – чистосердечно пообещал Иван.

– Тогда руки вязать не станем. Проходи. Без резких движений.

Его повели по лабиринту лестниц и коридоров. Впереди шел тюремный охранник и показывал дорогу, а сзади еще пара солдат, причем замыкающий шел на всякий случай с мечом наголо.

По мере продвижения по замку обстановка становилась все богаче, а освещение ярче. Наконец, они остановились у больших дверей, у которых стояло еще два стражника. Они кивнули пришедшим и открыли дверь.

Иван почему-то ожидал увидеть большой зал с узкими маленькими окнами, колоннами и тронем, как в фильмах про рыцарей, но комната за дверью оказалась относительно небольшой. Напротив входа алело закатом широченное окно в пол, до которого было всего метров десять. На боковых ка-

менных стенах было развешано различное оружие. Под ногами темный деревянный пол, такие же темные балки на высоком потолке.

Ближе к окну стоял длинный стол, за которым в большом кресле сидел мужчина. Второй человек стоял у окна, и лучи заходящего солнца не давали его толком рассмотреть. Хозяйка явно только что закончили обедать. В комнате еще пахло жареным мясом, и в животе у Ивана сразу нехорошо заурчало.

Его появление в зале ознаменовалось страшным шумом. Внезапный порыв ветра со звоном разбившегося стекла распахнул одну из створок окна. В то же время со стен сорвались все щиты и доспехи и с жутким грохотом обрушились на пол. Развалившийся в кресле возле стола длинноволосый юноша вздрогнул от этой неожиданной какофонии и выплеснул на белую атласную рубашку красное вино из кубка, который держал в руке. Второй спокойно повернулся. Он стоял точно на фоне оранжево-розового солнца, поэтому Иван видел только темный силуэт, обрамленный солнечным сиянием. Светящаяся, словно ангел, фигура вдруг зло рассмеялась звонким девичьим смехом, а затем с негодованием произнесла:

– Влад, ты так напился, что даже свои старые железяки поддерживать уже не можешь?

Влад был тем самым юношей с пляжа. Теперь Иван смог разглядеть его подробнее. На вид тому было лет восем-

надцать-двадцать. Правильные, но несколько крупноватые черты лица. Широкие выступающие скулы, пухлые губы и большой нос, по отдельности, наверное, выглядели мужественными и даже грубоватыми, но вместе создавали почему-то ощущение женственности и капризности. Не добавляли брутальности и длинные крупными локонами ниспадавшие на плечи светлые волосы, перехваченные серой лентой.

Его можно было бы назвать красавчиком, но он был красив не мужественной красотой, а какой-то... фотомодельной, как для себя сформулировал Иван. На белоснежной рубашке хозяина замка теперь растекалось бордовое пятно от вина, которое тот неверными жестами пьяного человека зачем-то безуспешно пытался с себя стряхнуть, размазывая еще больше. С момента встречи на пляже он явно накидался еще, и теперь вряд ли смог бы устоять на ногах, если бы вдруг решил подняться из этого большого резного деревянного кресла.

Ивана подвели поближе к столу. Он прикрыл глаза от солнца ладонью и наконец смог рассмотреть вторую фигуру.

Удивительно белоснежные волосы светились и искрились в свете заходящего солнца, обрамляя лицо девушки подобно нимбу, а когда он взглянул ей в глаза, то встретил ослепляющий синий взгляд феи из снов.

Глава 3. Бродяга. Беглец. Преступник

Это без сомнения была она. Иван не сомневался ни секунды. Девушка была не просто похожа. Это точно была та самая фея, которую он регулярно пытался спасти в своих кошмарах. Те же белоснежные волосы, какие могли бы быть только у альбиноса, но у девушки при этом были длинные темные ресницы и достаточно темные брови. То же лицо с широкими скулами, ямочками на щеках, и с идеально прямым аристократическим носиком. Тот же насмешливый озорной взгляд.

Во сне у ее глаз не было такой магии. Они были необычными, но не настолько завораживающими. В реальности от них невозможно было оторваться. У ее глаз не было плоской неподвижной цветной радужки, как у обычных людей. Вокруг зрачка клубилась и переливалась синяя бездна, и с каждой секундой, пока Иван смотрел в нее, он погружался все глубже и глубже. Как можно было вообще иметь такой взгляд? Бездонный, наполненный непонятной мудростью вечности и бесконечности, но одновременно озорной, искрящийся и даже немного детский?

Ему показалось, или в тот момент, когда фея взглянула на него, она вздрогнула и ее и без того большие глаза на мгно-

вение еще больше раскрылись? Ее лицо тут же приняло надменно-безразличный вид, и девушка отвернулась. Стоя спиной к Ивану, она о чем-то раздумывала. Взяла со стола пустой серебряный кубок и начала рассеянно вертеть его в руках.

Нетрезвый юноша в кресле тем временем делал странные жесты. Сложив правую руку в щепоть, он направил ее на пятно на рубашке и странно зашипел от натуги. Потом зашипел еще раз. На третьей попытке он выпучил от усердия глаза, но чего бы он не хотел добиться, у него явно ничего не вышло. Пятно постепенно распространялось по ткани все больше.

Девушка посмотрела на него, искоса, через плечо, и брезгливо поморщилась.

– Влад. Нельзя доводить себя до такого состояния. Ты совсем теряешь контроль. Иди проспись.

У нее был удивительный голос: одновременно звонкий, высокий и нежный, но вместе с тем в нем внезапно проскакивали и низкие тона, с небольшой хрипотцой. Если закрыть глаза, то можно было бы подумать, что говорят в унисон два человека.

– Убери это пятно, – попросил юноша, – Ты же можешь. Не знаю, что со мной случилось. Никогда такого не было. Я ж выпил то немного.

– Никогда такого не было и вот опять... это ты называешь немного? – фыркнула фея, – Прачка уберет. Ступай спать, – холодно приказала она.

Потом повернулась к стражникам:

– Проводите его до его спальни.

– Нет, а чего ты тут распоряжаешься? Ты же пока никто!

Вообще я тут хозяин! – начал возмущаться Влад.

Девушка медленно повернулась к нему и пристально посмотрела в глаза. Иван невольно залюбовался ее идеальным профилем. Хозяин замка стушевался. Пьяный бунт, похоже, закончился не начавшись. Выдержать пристальный взгляд этих синих глаз было непросто.

Солдаты все это время переминались с ноги на ногу. Попадать под немилость любого из господ им очень не хотелось.

Наконец Влад с трудом выкарабкался из кресла, но, пошатнулся и чуть было не упал обратно. Тут уж стража подскочила, подхватила нетрезвого юношу под локти и аккуратно повела прочь из зала.

Все это время фея стояла спиной ко всем, демонстративно отвернувшись к окну, и наблюдала закат.

«Интересно, кто он ей? – подумал про себя Иван. – Неужели... жених?»

Вырвавшись из магии ее глаз он наконец внимательно смог рассмотреть девушку. Так же, как и во снах, ей было примерно лет пятнадцать. Высокая и стройная. На каблуках, если бы она их носила, была бы даже выше его. Одета почему-то в костюм для верховой езды: светлые узкие брюки, заправленные в белые сапоги с небольшим каблуком и синий,

удивительно подходящий к ее необычному цвету глаз, мундир с двумя рядами золотых пуговиц. Спереди короткий, достигающий до ремня на брюках, но с длинными фалдами сзади.

Белоснежные волосы были пострижены примерно до середины шеи, и находились в состоянии художественного беспорядка. Иван, однако, знал, что за подобным видимым хаосом иногда может скрываться длительная работа визажиста.

– Ты тоже можешь идти, Оскар, – холодно, не поворачиваясь, произнесла девушка.

– Но госпожа... тут пленник... – начал было возражать единственный оставшийся в зале усатый тюремщик.

Фея медленно отвернулась от окна и удивленно вскинув бровь обратила теперь все свое пристальное внимание на стражника:

– Ты... считаешь... что мне... что-то... может... угрожать? – она произнесла это медленно, четко выделяя каждое слово, как отбивающий такт метрономом, а в ее голосе появились неожиданные стальные нотки.

– О нет, госпожа, простите, – Оскар склонился в глубоком поклоне, и пятясь покинул зал.

Иван удивленно проводил охранника взглядом.

Фея, все еще не глядя на него, повернулась к образовавшейся на полу груде оружия, и внезапно все мечи, алебарды и доспехи сами по себе взмыли в воздух и вернулись на свои места на стенах. Девушка не сделала при этом ни единого

жеста. За ее спиной взлетели с пола осколки стекла и, сделавшись на какой-то момент жидкими, слились в один прозрачный комок, а затем растеклись пленкой внутри оконной рамы, превратившись снова в обычное оконное стекло.

Иван протер глаза и некоторое время удивленно моргал, гадая не почудилось ли все это ему только что. Хозяйка замка с любопытством наблюдала за его реакцией.

Когда он повернулся к ней, то решил пока не смотреть ей в глаза. Он боялся, что тогда не сможет ответить ни на один вопрос.

– Оскар рассказал мне, что брат велел притащить тебя с пляжа. Зачем? И кто ты такой? – девушка заинтересовано склонила голову на бок.

Иван растерялся. Заготовленная легенда про купеческого сына разбилась вдребезги. Он не представлял как будет врать своей фее из снов. Иван вообще очень не любил врать, делал это редко и очень неумело, невовремя краснея и сбиваясь. Он все-таки взглянул в эти пронзительные глаза, и почувствовал, что не сможет соврать. Ей – точно не сможет. Это его фея и отгораживать себя от нее стеной лжи было неправильно.

Девушка истолковала его молчание по-своему:

– Мне сообщили, что у тебя амнезия. Это так? Ты что, вообще ничего не помнишь?

Она внимательно изучала его лицо. Тут Иван решился:

– Нет никакой амнезии. Я попал к вам из другого мира.

Не знаю, как так вышло. Это все один прибор. Я его как-то не так включил. Вышел за порог дома в своем мире и упал в воду здесь, у вас. После того как я с трудом выплыл на берег и отогрелся в хижине какого-то старика, то приехал этот юноша, который только что сидел тут в кресле, приказал меня связать и привезти в замок. Больше мне нечего сказать.

– Вот как... – девушка разглядывала его, обходя вокруг, как интересный экспонат в музее, – по крайней мере это больше похоже на правду.

Иван моргнул. Ничего себе! История про другой мир для нее более правдива, чем простая потеря памяти из-за травмы. Сюда что, регулярно попадают мальчишки с Земли?

– Хм, – продолжила она размышлять вслух, – Одетый в вещи с той стороны моста юноша, который так удивленно наблюдает как я использую Силу, как будто видит это в первый раз в жизни. Юноша, который обращается ко мне, не называя госпожой. Между прочим, только за это в другом замке тебя бы как минимум высекли. М-мм... пожалуй, что в другую историю я бы и не поверила.

Она постояла минуту молча, раздумывая.

– Так ты дух? Надо же... никогда бы не подумала.

– В смысле? – невольно вырвалось у Ивана.

– Ну ты же пришел с той стороны, из мира духов? Странно... я не чувствую в тебе никаких отличий от обычных людей.

Она отошла обратно к столу, внезапно потеряв к Ивану

всякий интерес:

– Я не вижу смысла задерживать тебя. Ты не самозванец, как, наверное, счел брат. Тебе просто не повезло... я велю страже выпустить тебя из замка. Можешь идти.

«Ага. Все-таки брат», – подумал Иван про себя.

– Простите, – ему было непривычно называть сверстницу на «вы», но он боялся, что иначе может ее рассердить, раз уж эта аристократка привыкла что к ней иначе как «госпожа» не обращаются, – а вы можете вернуть меня назад, домой... в мой мир?

Ему показалось, что она опять вздрогнула и на мгновение выпала из образа надменной принцессы, потому что в ее голосе неожиданно он услышал нотки грусти:

– Пока нет. До инициации не могу. А потом... – на скулах девушки появились напряженные бугорки, словно та сильно стиснула зубы, а затем, одернув себя, добавила уже прежним голосом повелительницы:

– Я же велела тебе уходить! Почему ты еще тут?!

Фея раздраженно отвернулась к окну.

Иван кивнул, хотя девушка не могла это видеть.

Надо было еще сказать хоть что-нибудь! Это же была его фея! Та, которую он постоянно пытался спасти в своих видениях. Она перед ним наяву! Но что сказать? От неожиданности он совсем растерялся. Не признаваться же с порога, что последний год она ему постоянно снится. Очень похоже на самый тупой способ познакомиться: «Девушка, а вы мне

снились...»

Иван растерянно покачал головой и пошел к выходу. В дверях он обернулся на прощанье. Фея так и стояла спиной и смотрела на закат. Солнечные лучи опять охватывали ее фигуру, окружая фантастическим светящимся ореолом. На мгновение ему даже показалось, что за ее спиной расправляются огромные светящиеся огненные крылья.

Иван вышел за дверь и обратился к стражникам у входа:

– Она... то есть госпожа сказала проводить меня до ворот из замка.

Солдат быстро заглянул в зал, что-то спросил и выслушал приказание. Затем кивнул Ивану, показав, идти за ним. Они опять минули длинную череду коридоров и залов. В одном из них, проходя мимо огромного зеркала в тяжелой бронзовой оправе, Иван вдруг увидел свое отражение и ужаснулся. Его волосы в полном беспорядке торчали какими-то клоками, став совсем жесткими от морской соли. Кое где в них запуталась шерсть от козлиной шкуры из дома старика и солома из тюремного мешка. На грязном лице виднелись разводы соли, а под его серыми глазами можно было различить синяки от усталости. Задубевшая, мятая, в белых разводах одежда выглядела так, что в Москве бы он в таком виде постеснялся ходить по улице. Да он даже в Туле в таком виде мусор не пошел бы выносить! Иван содрогнулся. Это вот в таком виде он предстал перед феей?! Неудивительно, что она его выгнала. Бомж бомжом.

Не такой он воображал себе их встречу. В мечтах Иван в красивых доспехах врывался в горящий или рушащийся замок, спасал принцессу и увозил ее вдаль на верном коне. А в реальности? Как бродягу его приволокли и бросили к ее ногам. А он даже сказать ничего толком не смог. Хорошо еще, что действительно высечь не велела. Небось, как после бомжа, еще после него пол попросит помыть. Хорош рыцарь-спаситель, нечего говорить!

Выйдя за ворота, он все-таки не выдержал и спросил у солдата:

– Скажите пожалуйста, чей это замок?

Солдат удивился, но ответил:

– Виконта Влада де Клэр и его сестры, неподтвержденной княгини Ирмы де Клэр.

– А что значит неподтвержденной?

Солдат удивился так, что даже перестал коситься на изменившие свой цвет ворота и полностью обратил свое внимание на Ивана:

– Э-ээ... ну дык... госпожа еще не прошла обряд инициации, и пока именуется титулом матери.

Он мало что понял, но кивнул, поблагодарив сопровождающего за ответ, и пошел по дороге вниз с холма, на котором стоял замок.

Иван бессмысленно бродил по городу, глядя как немногочисленные магазины закрывают створки ставень на ночь. Суверки сгущались непривычно быстро, как это бывает на юге. Он ругал себя за то, что так быстро ушел из замка. Ну чего ради он так рвался из камеры? Куда, главное? Теперь один в незнакомом городе... да что городе... в незнакомом мире. Без денег, без документов. Да и есть хочется жутко. Урчание в животе, наверное, было слышно даже редким прохожим.

«Ну что ж. Раз выгляжу как бомж, значит придется учиться быть бомжом», – грустно сказал он вслух.

Когда совсем стемнело, и улицы опустели, Иван начал искать хоть какую-нибудь лавочку, на которой можно было бы примоститься на ночь и немного поспать. Мешок с сеном в камере теперь казался не таким уж и неприятным местом для ночлега.

Внезапно дома расступились и за ними показалась смутно различимая в темноте зелень. Иван вышел к невысокой ограде. Кажется, именно этот парк он видел с холма. Частный сад вряд ли мог быть такого размера. Как Иван не вглядывался в темноту за оградой, но так и не смог разглядеть что там находится, кроме деревьев и кустов. Он оглянулся, чтобы убедиться, что никто не видит, и быстро перемахнул через невысокий заборчик.

Пробираться почти наощупь в темноте по парку было непросто. Со стороны реки медленно, но верно наползал туман, и уже через несколько минут от находящихся всего в нескольких шагах деревьев остались одни силуэты. Два раза Иван спотыкался о какие-то большие камни, а в третий раз все-таки растянулся и пребольно ударился коленкой и локтями о плоскую каменную плиту. Пришлось все-таки достать из кармана ключи от тульской квартиры с брелоком-фонариком. Как ни странно, но после купания в море тот все-таки работал. Батарейка уже почти села, но на несколько минут ее могло хватить.

Иван лежал на темной гранитной плите, на которой золотом было написано чье-то имя, а ниже стояли две группы цифр через дефис.

Он попал на городское кладбище.

Неприятные холодные мурашки побежали по позвоночнику. Нельзя сказать, что Иван серьезно верил в призраков и прочую нечисть, но оказаться ночью на окутанном туманом кладбище было страшновато. Хотя... возможно это было лучшее место для ночевки. Скамеек на улицах он так и не нашел, да и там его могла забрать местная полиция. Здесь его вряд ли кто-нибудь побеспокоит.

Иван побрел дальше в тумане, освещая себе путь фонариком. Внезапно он услышал какую-то возню впереди и остановился. Идти дальше было страшновато. Это на Земле не существовало призраков и зомби, но насчет этого мира он

уже не был уверен. Фея-княгиня на его глазах заставила летать тяжеленные доспехи. Кроме того, она сочла его каким-то «духом», а значит в этом мире что-то такое есть. Кто его знает, что там копошится в ближайшей могиле.

Внезапно из-за надгробия впереди донеслось «Ай, леший тебя побери...»

В чем Иван точно был уверен, так это в том, что призраки не ругаются.

Он приблизился. Откуда-то из-под земли лился тусклый желтый свет, освещая соседние надгробия. Как только Иван подошел ближе, свет тут же погас. Из вырытой могилы показалась чья-то голова. Иван посветил на неизвестного фонариком. Пожилой седой мужчина в темном пышном берете сощурился от яркого света, пытаясь разглядеть кто же стоит перед ним, а затем округлил от испуга глаза и резво выпрыгнул из вырытой ямы.

– А-аа, – нечленораздельно закричал старик. Он вытянул в сторону Ивана руку и как-то странно замахал ей, – Исчезни... исчезни!

Иван остановился, сдерживая смех. Видимо, теперь его самого приняли за призрака. Он хотел было уже сказать незнакомцу, что тот ошибся, но не успел.

– Да что ты такое?! – воскликнул тот, и внезапно отскочил подальше, округлив глаза еще больше, – о боги... только великий магистр может даже будучи призраком сопротивляться Силе. Боги... а-аа, – и с нечленораздельным криком

мужчина бросился бежать прочь, периодически спотыкаясь и падая.

– Постойте... – смеясь крикнул ему вслед Иван, но тот его уже не слышал.

– Джедай фигов... силу он против меня использовать будет, – пробормотал Иван и посветил в раскопанную могилу. Пустая яма. Чего этот сумасшедший там искал? И где его фонарь?

Подул ветер и разметал последние клочья тумана. Из-за туч выглянула полная луна. В фонарике больше не было смысла, и Иван выключил его, чтобы сберечь заряд.

Он больше не боялся. Похоже, он и есть самый страшный призрак на этом кладбище.

Надо было все-таки найти место для сна. Спать на плоском могильном камне он не собирался – слишком жестко и холодно. Иван нашел старое толстое покрытое мхом дерево и устроился у его корней.

Заснуть не получалось. Очень хотелось есть, да и ночь становилась все прохладнее. Очень скоро от холода и голода начали стучать зубы. Внезапно он почувствовал запах дыма. Не просто дыма от печки, а вкусного такого дыма, пропитанного ароматами жарящегося мяса. Такой запах не распространяется слишком далеко. Шашлык или нечто похожее делали где-то рядом. Как замороженный он поднялся и принялся озираться и принюхиваться, и действительно, вдали увидел слабые отсветы костра на деревьях. Иван побрел в ту сторону

и скоро вышел на небольшую полянку между пятью толстыми ивами, надежно закрывавшими ее от ветра и чужих глаз. В центре горел небольшой костер, на котором на небольших шпажках из веточек жарилась какая-то мелкая дичь. Возле костра никого не было.

От голода у него совсем уже сводило желудок, но он решил, что брать еду без спроса не будет. Вряд ли хозяин или хозяйка костра ушли надолго, иначе мясо могло бы совсем сгореть. Иван присел возле огня, надеясь хотя бы согреться. Потом прилег. Усталость брала свое.

– А ты честный, – внезапно сказал голос над ухом, – это хорошо.

Иван вскочил как ошпаренный. Из-за ближайших кустов торчала голова мальчишки лет десяти. Вид у незнакомца был крайне неряшливый: круглое чумазое лицо, всклокоченные волосы непонятного грязного оттенка, не знавшие расчески и мыла очень и очень давно, льняная и тоже давно не стиранная рубашка навывпуск, которая была очень велика пацану, и серо-коричневые штаны с мешками на коленках.

– Да ты не бойся. Я тут один, – весело произнес мальчишка, – Я услышал как ты идешь и спрятался. Мало ли кто тут ночью шастать будет. Вдруг призрак какой. Или люди злые. А ты ничего. Хороший. Мясо без спросу не брал. Давай, садись. Есть будем. А то крыса сейчас пригорит.

– Крыса? – Иван удивленно уставился на висящие на палочках тушки.

– А то! Даже две. Сегодня жирные попались. Думал одну на завтра оставить, но потом обеих зажарил, – с азартом произнес чумазый, выходя из-за кустов, – как раз, видишь, угадал. Да садись, чего стоишь. Гостем будешь. Меня, кстати, Чиж зовут.

– Э-ээ.. Иван.

– Будем знакомы. Да ты бери крысу, не стесняйся. Ты недавно без дома остался? Спишь на кладбище, глаза голодные, а одежда еще приличная вроде.

– Ну да. Сегодня. Долго рассказывать, – Иван осторожно взял одну из палочек. Жаренная крыса пахла очень аппетитно, особенно если не есть до этого почти сутки. Он осторожно отковырял кусочек мяса и положил в рот. На вкус чем-то напоминало жаренную индейку или курицу.

«Докатился, – подумал он про себя, – окончательно вживаюсь в роль бомжа. Ужинаю крысой».

Чиж в это время уже вовсю жадно уплетал свою порцию, держа тушку двумя руками:

– Ты не бойся, – с набитым ртом пробубнил он, – Я их хорошо готовлю. И травы знаю нужные, чтобы запах отбить. Вкусно ведь?

Иван кивнул. Если забыть о том, что именно он ел, было действительно вкусно.

– Ну и как ты дошел до жизни такой? – поинтересовался Чиж, после того как откинул в кусты обглоданный скелетик.

Почему-то Ивану казалось, что сейчас его честной исто-

рии не поверят.

– У меня память отшибло. Помню, как плыл, боролся с волнами. Говорят, что я уцелел после какого-то кораблекрушения. Знаю только как зовут, и все. Не помню ни родителей, ни откуда родом. Брожу по городу, не понимаю куда податься теперь.

– А ты не из господ часом? Шмотки то на тебе богатые.

– Вот княгиня местная меня за господина не признала. Притащили меня к ней в замок, она на меня взглянула и вышвырнуть велела.

– Ага. Значит ты из слуг господских. За молодым хозяином вещи донашивал, – категорично заявил бродяжка, – иначе бы госпожа тебя признала. Они своих всегда за версту чувуют.

– Это как?

– Ого, парень. Да тебе, похоже, вообще полбашки отшибло. Ты откуда свалился то? Они ж мастера! Мастер разума всегда своих чует. А как именно... кто их там разберет.

Иван понял, что впредь спрашивать надо аккуратнее, а то, чего доброго, неожиданный товарищ сочтет его либо шпионом, либо сумасшедшим.

– Скажи, а что эта ваша госпожа одна живет, без родителей?

– Почему одна? С братом. Родители ее вроде померли, когда она совсем маленькой была. Их бабушка воспитывала. Когда брат инициацию прошел и виконтом стал, так и бабка

пропала куда-то. Не знаю, может тоже померла. Теперь вроде как Влад хозяин замка, и она под его надзором, пока тоже инициацию не пройдет.

Кто еще там у кого под надзором – это большой вопрос, – пошутил Иван.

Ему очень хотелось расспросить про мастеров разума, но он боялся вызвать подозрения у мальчишки, поэтому спросил про самое непонятное во всем что он услышал:

– А когда у нее эта... инициация, и что это вообще?

– Э... да скоро уже. Где-то через неделю. Сегодня какое число?

– Двадцать пятое августа.

– Чего-чего? – Чиж тоскливо и сочувственно посмотрел на него, – Да, Иван. Тебе бы еще раз княгине показаться. Похоже у тебя совсем не все в порядке с кукушкой то. Она тут иногда в городе болезных принимает. Все с чем доктор не справляется забесплатно лечит. Может тебе мозги назад вправит?

Иван нервно взъерошил волосы. Чего он не так сказал то?

– Ладно. Короче первого Пожнеца в столице большой праздник будет. Народу съедется уйма. Там у всех дворянских детей, коим пятнадцать в этом году исполнилось, инициация будет. По их силам и способностям титулы получают. Твой господин, от которого у тебя вещи, тоже наверняка ее когда-то проходил или будет проходить.

Кое-что прояснялось. В том числе таинственное «пока не

могу» Ирмы.

– А что, она добрая княгиня то? Если бесплатно лечит всех...

– А чего ты все про нее спрашиваешь, а? – внезапно, хитро улыбнувшись, спросил Чиж.

Иван смутился от неожиданного вопроса и замолчал, чувствуя, что краснеет. Бродяжка, заглянув ему в глаза, протянул:

– О-уу... понятно. Ну знаешь! Она у нас красавица, конечно, но даже не мечтай. Бесполезно. Их род один из сильнейших. Они кровь простолюдинами разбавлять не будут. Не дураки, замка то и земель лишаться.

– Да я и не...

– Ладно, ладно. Я в это лезть не хочу. Это твое дело, – замахал руками Чиж.

Пару минут они помолчали.

– Слушай, не сочти вопрос странным. Город этот как называется?

– Розеград. Тут у нас розы какие цветут, видел? Вся империя завидует. Даже в столицу цветы поставляем, – Чиж важно шмыгнул носом, словно местные успехи садоводов были исключительно его заслугой.

– А столица где?

– Думаешь ты оттуда? Может быть. До нее дня два шагать на северо-восток. Если верхом, то за день доберешься, ну а ежели гнать на перекладных, то за несколько часов доехать

можно. Любоград. Говорят, красивый город, но я там не был. Там бродягам сложнее. Стражи много, а народ жаднее. Тут, в провинции на курорте попроще, особенно в сезон.

– А ты то сам как на улице оказался?

– Да знамо как. Как и все. Родители померли, родни нет. Вот и выставили меня из дома. Я уже года три тут живу. Привык, – грусти в голосе Чижа не было. Он рассказывал о своей истории даже весело, как о чем-то очень простом и естественном.

Они поговорили еще немного. Чиж поделился знаниями о том, где можно добыть свежей выброшенной еды в городе и как лучше сделать себе постель в корнях деревьев. Бродяжка даже помог Ивану натаскать лапник и устроил ему вполне сносное место для сна. На колючей и неудобной подстилке он долго ворочался, слабо представляя себе, как тут вообще можно заснуть. Потом усталость взяла свое и он все-таки провалился в тревожный и мучительный сон.

Утром они попрощались. Чиж все звал Ивана к какой-то пекарне, где иногда выкидывают подгоревший хлеб: «Там подмастерье новый совсем косорукий. Все время чего-то портит». Иван отказался. Он не хотел окончательно втягиваться в жизнь бродяги, понимая, что вскоре будет уже окончательно похож на этого Чижа, и потеряет всякую надежду изменить образ жизни. Пока еще его одежда, которую тут все принимают за господскую, более-менее прилично выглядит, у него есть шанс найти себе иную судьбу. На всякий случай,

если ему не посчастливиться, они с Чижом договорились вечером опять встретится здесь же, у пяти ив.

Для начала Иван тщательно умылся, ополоснул голову в протекающем по западной границе кладбища ручье и постарался причесаться, насколько это можно было сделать пятерней. Некоторое время он раздумывал не постирать ли одежду, смыв с нее следы соли, но понял, что сохнуть она будет потом еще целый день. Терять это время не хотелось. Посмотрев вместо зеркала в отполированный гранит одной из могил, он счел свое отражение вполне сносно выглядящим. На бродягу, в отличие от вчерашнего дня, он уже не так походил. Внимательнее взглянув на надгробие он еще раз поразился странным датам на камне. Год начинался с семи тысяч. На очень старых могилах надписи на камне были на латинице, тогда как на всех новых на кириллице. Имена большей частью в обоих случаях были славянские, а какие-либо кресты или символы иных религий отсутствовали.

Иван подумал, что идти в город было еще рановато. Все еще, наверное, закрыто. Интересно, сколько же все-таки времени? Жаль нет смартфона! Кстати... а не поискать ли его? Вдруг он выпал не в море, а позже, на пляже или в хибаре старика? Дорога туда простая, не ошибешься. Шум прибоя слышно издалека. Заодно и старика можно поблагодарить, а то вчера неудобно получилось, когда тому чуть за влетело за доброту.

Конечно, связи в этом мире быть не могло, да и зарядить

телефон, когда батарея сядет, тут было негде, но все-таки это был осколок его мира, который был дорог как память, если он никогда не вернется домой. Кроме того, гаджет мог послужить неплохим доказательством истории про другой мир. Ну а если он все же вернется домой, то за потерянный смартфон ему бы здорово влетело от тети.

До пляжа оказалось не так далеко. Быстрым шагом, периодически переходя на бег и срезая дорогу, где было можно, он преодолел весь путь гораздо быстрее, чем вчера верхом на неторопливой кобыле.

Во время падения в воду и последующей борьбы с волнами Иван не успел оценить всю красоту морских просторов. Когда дорога, преодолев небольшой холм, внезапно открыла перед ним темно-синюю, покрытую белыми барашками бескрайнюю поверхность воды, он остановился и чуть не задохнулся от восторга. Он никогда до этого не был у моря. Небольшие озера и речки даже сравниться не могли с тем, что он ощущал сейчас. Иван сбежал с холма на пляж и уселся на берегу, на самом краю сухого песка, где не доставала пена, и, наверное, с полчаса просто смотрел на волны, слушал их рев.

Море врывалось в ноздри яростными водорослями, нагретой солью на мелководье, медузами и забытым ароматом детской мечты. Океан пах идеальным покоем, который почти уже смерть, но при этом всё хорошо.

Вдали у горизонта вода достигала удивительной синевы,

чем-то напоминая ему глаза феи из снов... то есть уже не из снов... из реальности... из этого странного мира. Глаза реальной поразительной девушки Ирмы. Недостижимой княгини дэ Клэр. Иван вздохнул.

Как бы ему хотелось жить здесь! Конечно, не так как тот старик. Жилье можно было бы иметь и попримичнее. Когда вернется на Землю и вырастет, то обязательно купит или построит себе дом на берегу, ибо нет ничего лучше, чем смотреть как накатывают на песок волны, вдыхать полной грудью их запах и слушать ритм дыхания моря. Если он и мог быть счастлив, то только любуясь каждый день этим бесконечным простором.

Когда вернется... если вернется... и тут Иван впервые понял, что не особо и хочет домой. Грусти уже не было. Да, там размеренная и понятная школьная жизнь, а здесь он просто бродяга... но что на самом деле держит его на Земле? Здесь было море... и еще тут была эта удивительная девушка, с глазами, в которых это море поселилось навсегда. В своем мире он так и не смог найти себе место. Может его счастье здесь?

Как бы ни хотелось просидеть на берегу весь день, но надо было возвращаться в город и решать проблему с пропитанием и жильем.

За то время пока Иван сидел на берегу старик так и не появился. Иван заглянул в его хлипкий домик, но внутри было пусто. Голые стены и песок вместо пола. Из хибары про-

пал не только хозяин, но и вся мебель вместе с печкой. Может старик жил тут только летом, а с началом штормов перебрался в другой дом?

Медленно бродя по берегу, Иван без труда нашел след как его волокли по песку. Удивительно, что старый рыбак справился – глубокая борозда тянулась метров сто. Судя по всему, тот тащил Ивана за две ноги, а след остался от спины и головы. Вот почему у него все волосы в песке были. Наверное, и телефон выпал где-то здесь, когда ноги были задраны. Через десяток метров Иван заметил торчащий из песка черный прямоугольник.

Китайский дешевый водонепроницаемый чехол, как ни странно, отработал на отлично. Телефон вообще не намок и легко включился. Батарейка показывала еще восемьдесят процентов. Иван сделал селфи у моря на память и сразу выключил смартфон, чтобы беречь заряд. Может быть ему еще понадобится показать кому-нибудь это чудо высоких технологий в качестве доказательства своих слов.

Еще раз полюбовавшись на море, Иван поплелся вверх по дороге, возвращаясь в город.

Днем Розеград производил не такое мрачное впечатление. Светлый, по курортному слегка ленивый и неторопливый город. Да, нелепый с точки зрения архитектуры. Да, на некото-

рых улицах просто в глазах рябило, как на бразильском карнавале, от избытка странно одетых фриков, старающихся блеснуть хоть какой-нибудь вещью с Земли. Даже если это невозможно розовый топ, надет он был по случаю прохлады поверх льняной блузки. Но город все больше ему нравился.

Город действительно утопал в цветах. Розами были засажены тротуары и газоны, а еще какие-то фиолетовые цветы свисали яркими ароматными волнами до самой земли с балконов и стен домов. Иван все боролся с искушением достать смартфон и сделать несколько фоток на память.

Погуляв по узким улочкам около часа, он наконец нашел то, что искал – базарную площадь. Бродя между торговых рядов, он не раз ловил на себе уважительные взгляды. Покупатели и торговцы явно принимали его за молодого дворянина. Иван же ходил по рядам и приценивался. Сколько стоит буханка хлеба, нога барана и, например, десяток яблок. Если ему придется устраиваться на работу, то нужно понимать сколько денег потребуется хотя бы на еду, не говоря уж об одежде и прочих удобствах. Он приглядывался и к местным деньгам. Удивительно, но тут в ходу были настоящие разноцветные бумажные банкноты вместо ожидаемых им средневековых «золотых». Именовались они странно: «Орденками».

Стремясь рассмотреть поближе как выглядят местные деньги, Иван неосмотрительно приблизился к одному из прилавков именно в тот момент, когда радужные купюры пе-

реходили из рук в руки. Что-то явно пошло не так. Деньги в миг поблекли и на глазах превратились в обыкновенную не очень чистую мятую бумагу.

– Ах ты... – возмущенно воскликнул продавец и медленно, еще не веря в то, что произошло, потянулся к покупателю, чтобы схватить того за грудки.

Стоявший перед ним вполне приличного вида немолодой мужчина в длинной темной мантии в тот же миг неожиданно резво подхватил полы одежды и что есть духу рванул прочь, нарочно опрокидывая за собой на землю все, до чего на бегу мог дотянуться рукой.

– Вор! Держи вора! – опомнившись закричал продавец.

Но куда там. Фальшивомонетчика уже и след простыл. Благо богато украшенные ножны так и остались лежать на прилавке, так что купец не спешил преследовать вора. Покричал для порядка еще пару раз и замолчал. Ущерба то никакого.

Иван уже собирался отойти, как продавец, краем глаза уловив его движение, резко повернулся к нему:

– А ты куда? – и тут же стушевался, – Ой простите молодой господин, не опознал. Сами видите, что творится. Фальшивые деньги, подлец, где-то раздобыл. И хорошо же, гад, кто-то сделал. Без Силы не обошлось. Вовремя они... А вы...

Тут оружейник замолчал, что-то соображая, и расцвел в улыбке:

– Так это не просто! Это вы, значит, морок то развеяли. Ой спасибо вам молодой господин, – купец поклонился низко, в пояс, – Спасибо! Считайте меня своим должником. На такую сумму ведь чуть было не обманул, подлец.

Иван постарался никак не выдать внутреннего смятения, застыв с каменным выражением лица. На мгновение с тоской посмотрел на разложенное оружие, вдруг у него теперь есть право попросить в подарок клинок? Потом решил, что это было бы перебором. Конечно, раз уж попал в средневековье, то владеть шпагой хотелось, но, с другой стороны, зачем она ему? Управляться с ней, в отличие от лука, Иван не умел. Да и кто знает, какие тут законы про ношение холодного оружия? Вдруг еще арестуют. Луков и арбалетов на прилавке не было. Он промолчал и постарался как можно более важно кивнуть оружейнику. Пусть так и остается должником. Вдруг пригодится, хотя Иван ничего толком и не сделал.

Вот тут нехорошее ощущение, преследовавшее его последний час, окончательно оформилось в тяжелое и липкое чувство тревоги. Все незначительные мелочи, на которые, вроде, и внимания то обращать не стоило, вдруг сошлись вместе, как идеально подходящие друг к другу частицы пазла, и склеились в очень неприятную картину.

В этом городе вокруг него все время происходили несчастные случаи. Рядом с ним слишком часто что-то ломалось, отваливалось и портилось.

Еще утром он шел по узкой улочке и, услышав сзади гро-

хот колес, автоматически посторонился, чтобы пропустить экипаж. У катившей мимо кареты внезапно разлетелась задняя ось, и она остановилась, скрежеща днищем по брусчатке. Два здоровых, почти в рост Ивана, колеса, бодро подпрыгивая на неровностях, покатались вдоль по улице, пока не врезались в стены домов. Хорошо еще, что никого не зашибли.

Два кучера резво соскочили со своих мест и подбежали к дверце кареты, чтобы выяснить не пострадали ли пассажиры. Проходя мимо, Иван успел увидеть лишь пухлую руку пожилого мужчины с широкой фиолетовой манжетой и дорогим перстнем с красным камнем, которая нетерпеливо махала, подавая кучеру знак бежать за колесами.

Казалось бы, бывает. Техника старая, технологии несовершенные. Сломалась ось. Случайность.

Потом в одном из дорогих магазинов с ювелиркой рухнули красиво размещенные в витрине крепления для бус и колье. Иван как раз остановился посмотреть, на чем же они держатся, ибо ему показалось, что красиво выстроенные по спирали украшения буквально плавают в воздухе. И вся эта красота внезапно пошатнулась и обвалилась, превратившись в сверкающую кучку на полу. В магазине сразу всполошились и ринулись поднимать товар. Один из сотрудников выскочил на улицу, посмотреть не разбили ли витрину снаружи и с подозрением покосился на Ивана. Именно тогда нехороший холодок уже закрался ему в сердце.

На то, что рядом с ним потухло несколько непонятным

образом святящихся вывесок он особо внимания не обратил. Может их просто выключили в это время.

На одной из центральных улиц у одной медленно вышагивающей вдоль витрин знатной дамы рядом с ним внезапно развалилось старинное платье времен какого-нибудь Людовика. Корсет лопнул так, что пластины китового уса распрямились, прорвав ткань, а с пышной юбки начали осыпаться кружева и украшения. Смуглая служанка, шедшая за госпожой, тут же в панике засуетилась вокруг нее, не зная что делать, а Иван, обогнул эту парочку и поспешил дальше. Он уже увидел в конце улицы искомую базарную площадь. Но нехорошее предчувствие только окрепло.

Сейчас, когда продавец явно указал на него как на причину превращения фальшивых денег в бумажки, Иван сначала внутренне усмехнулся, мол опять его принимают не за того, но потом его пробил холодный пот.

Ошибки то не было. Похоже, что он действительно был виноват в произошедшем. Не бывает таких совпадений. Каждое отдельное событие возможно было случайным. А вот все вместе, сконцентрировано вокруг него, да в течение пары часов... это уже правило.

Он плохо влиял на этот мир. Иван шел по улицам как демон разрушения и невезения: все, что могло развалиться или сломаться как будто ждало именно того момента, когда он пройдет мимо.

Это было очень странным, потому что на Земле за ним

наоборот тянулась слава везунчика. Он никогда не играл в лотерею, но в школе всегда вытягивал на экзамене именно тот билет, который знал лучше всего. Один раз на спор даже выучил только один, и именно его и получил.

В этом странном мире его знак поменяли с плюса на минус и теперь рядом с ним не везло всем остальным. Иван припомнил и рухнувшие со стен доспехи в замке. И даже ворота, таинственно полинявшие при его приближении, тоже прекрасно ложились в общую картину. На них просто резко облезла краска. То-то солдаты удивились.

Рядом с ним все портилось. Если он побродит по городу еще пару дней, то, небось, многие из домов рискуют превратиться в руины.

Иван испугано огляделся.

Конечно, связь всех этих якобы случайностей с его персоной была пока очевидна только ему, но это только вопрос времени, когда на юношу, таскающего за собой неприятности, обратят внимание. Тем более на юношу, одетого в такую броскую одежду. Вряд ли в городе был еще хотя бы один человек в белой футболке, синих джинсах и кроссовках. Он же тут как белая ворона!

Иван решил убраться подальше с людной площади. Он вышел на улицу, по которой пришел на базар, надеясь, что здесь он второй раз уже ничего не испортит, и вдруг заметил, что вдали у ювелирного магазина, в котором рухнула витрина, стоят трое мужчин в одинаковой черной одежде и разго-

варивают с владельцем.

Как бы ни отличалась форма полицейских в разных странах есть в них всегда что-то такое, что сразу ощущаешь: перед тобой стражи закона. Мужчины были одеты в темные брюки, заправленные в сапоги и в мешковатые черные рубашки с капюшонами, в данный момент откинутыми на спину, но Иван сразу понял: это местные полицейские, которые расспрашивают продавца именно о нем. Вот сотрудник магазина махнул рукой вдоль улицы, показывая куда ушел юноша, и трое мужчин в черном повернулись в сторону базарной площади.

Между ними и Иваном было почти метров двести, но он каким-то образом ощутил на себе их взгляд. Его заметили. Его узнали. Юношу в белой футболке и синих джинсах.

Иван развернулся и рванул в какой-то переулок. Он несся, не разбирая дороги, выбирая улочки покороче и поуже. Налево... направо... направо... так, главное назад не повернуть. Теперь налево.

Страшно не было. Наоборот, внутри был какой-то веселый азарт, словно он первоклассник шалопай, удирающий от грозного учителя по школьным коридорам. Спустя минуты три, когда он стал уже выдыхаться, ему показалось, что он уже достаточно оторвался. Иван пробежал по длинной широкой улице, притормозил у поворота и оглянулся. Три черных фигуры появились из-за угла вдали и помчались в его сторону. Расстояние между ними и Иваном было уже раза в

два меньше чем в начале.

Иван бросился в очередной переулок.

В незнакомом городе убежать от тех, кто знает район как свои пять пальцев, было нереально, и он теперь это понимал. В конце концов он ошибется, свернет в тупик и все. Что тогда будет он не знал, но ничего хорошего от встречи с этой троицей не ждал. У него был только один шанс спастись – спрятаться.

Иван заметил слева от себя огромные стеклянные окна большого магазина. Вся витрина была забита товарами и внутренность помещения с улицы не просматривалась. Он резко свернул и заскочил внутрь.

Магазин и в самом деле был большим. Полки с товарами стояли не только по периметру, но и в центре зала. Это было очень удачно – если встать между двух шкафов, то его нельзя было разглядеть, даже если заглянуть внутрь через дверь.

Вдоль стен лежали в основном продукты. Над длинным прилавком висели окорока и колбасы. Иван пристроился у шкафов с разнообразной утварью для дома и сделал вид, что увлеченно разглядывает всяческие совочки, щеточки, ведра и миски, стараясь отдышаться, и при этом не привлекать внимание человека за прилавком.

«Хорошо, что хоть здесь при моем появлении ничего не рухнуло», – подумал Иван и тут его осенило. Пораженный этой догадкой он напрочь забыл о продавце и о том, где он находится и в задумчивости взъерошил ладонью волосы.

Во всех неприятных происшествиях рядом с ним была еще одна закономерность, которую он понял только сейчас. Карета, платье, бриллианты... все это были предметы роскоши. Пока он бродил по относительно небогатым районам города, все было в порядке, и только когда он вошел в центр, с богато украшенными магазинами и шикарной публикой, начались неприятности, но все они касались только предметов роскоши.

– Молодой господин что-нибудь желает купить? – раздался голос над ухом.

Иван дернулся от неожиданности, возвращаясь в реальность. Рядом с ним стоял крепкий бородатый мужчина лет сорока, одетый в темно-зеленый кафтан и коричневые широкие штаны. Иван покосился на улицу сквозь полки стеллажа. Там как раз мимо пробежали три черных фигуры. Один из преследователей остановился напротив магазина и начал внимательно оглядываться.

– Э-ээ... нет, – рассеянно пробормотал Иван.

– Простите, господин, не хотел вас напугать, – бородач хотел было склониться в поклоне, но неожиданно для самого себя Иван быстро сказал:

– Я не господин, вы перепутали.

Купец недоуменно выпрямился, внимательно изучая его одежду.

– Это моего господина вещи... то есть он мне купил их – пояснил Иван, вспоминая придуманную ранее легенду и

предположения Чиж, – я с ним всегда ездил, пока вот недавно он не погиб.

Чем-то этот бородатый мужчина располагал к себе. То ли добродушием и открытостью, то ли типажным лицом положительного персонажа из фильмов. Иван решил попытаться счастья: возможно этот взрослый и небедный человек сможет помочь ему хотя бы дельным советом. Тем более, что чем дольше он будет говорить с ним, тем дольше сможет не выходить на улицу, где преследователь в черном как раз заглянул в магазин на другой стороне улицы.

– Вы с господином ездили на ту сторону моста, в мир духов? Он вам там одежду покупал?

– Да, – Иван уже догадался, что миром духов тут почему-то именуют Землю, и тут же додумал свою историю дальше, – господин ездил получать образование. Я был при нем слугой. Правда учиться все больше приходилось мне, так как хозяин ленился и не любил утруждать себя.

Он где-то читал историю, как молодого барчука из России еще во времена крепостных отправили во французский университет. Там он там загулял, и вместо него на занятия ходил крепостной слуга. Так тот и выучился на доктора. По приезду обратно, когда все выяснилось, юному барину родители высыпали по первое число, а слуга стал знаменитым на всю область врачом. Крепостным врачом, так как свободу ему все-таки не дали. История заканчивалась печально. После смерти отца молодой барин не мог смириться с тем, что

какой-то крепостной умнее его, и таки сжил врача со свету.

Иван решил так далеко не загадывать, и вкратце пересказал эту историю купцу, с поправками на время и место. Конечно, риск был. С чего он решил, будто местная знать отправляет детей учиться в его мир? Но почему бы и нет. Продавец, судя по всему, был не великим знатоком обычаев местной аристократии.

– А потом я с господином плыл на корабле, который затонул в шторм, налетев на рифы у ваших берегов. Только я каким-то чудом спасся. Вот брожу теперь, думаю, как быть. Если вернусь в замок господина, то его родители меня не простят. Со свету сживут, раз его не уберег. А больше идти то и не куда. Я ж сирота.

Иван сам поразился как ложь сама текла из его уст, складываясь в вполне правдоподобную историю. Однако на последних словах купец нахмурился и засомневался:

– Как это... господин... и утонул? Так разве бывает?

Иван внутренне похолодел. Где-то он прокололся. Что такого странного, что местный мажор мог утонуть?

«А... черт... они же какие-то мастера разума. Может они и по воде умеют ходить или шторм разгонять руками», – лихорадочно соображал он.

Тут он вспомнил брата феи и печально добавил:

– Он пьян был. Очень пьян. Думаю, даже и не успел понять, что случилось. А я не успел помочь.

– Мда... история... – протянул купец, почесывая затылок.

Мужчина смотрел на него со странным прищуром, прикидывая что-то в уме. Пауза затянулась. Иван закусил губу. Похоже, что в своем рассказе он все-таки совершил какую-то ошибку.

Хозяин магазина неожиданно спросил:

– А ты, значит, вместо господина учился?

– Ну да. В школе.

Иван мельком глянул на улицу. Там мужчина в черном заглянул в следующую дверь.

– И как? Хорошо учился? Чему хоть?

Ивану уже очень не нравились эти вопросы, но ситуация была безвыходной.

«Интересно, если ли в этом здании второй выход? Где-нибудь там, за прилавком. Если рвануть туда, то успеет ли купец меня поймать?»

– Неплохо учился. Физике, математике, химии... ну там много предметов было.

– Докажи, – вдруг хитро улыбнулся бородатый.

Это был неожиданный поворот. Улыбка мужчины была искренней, и это удержало Ивана от побега.

Доказать! И как он себе это представляет? Задачи сейчас при нем решать? Да и с минуты на минуту сюда заявится эта местная полиция.

Он внимательно оглядел витрину.

У них в интернате было много факультативных курсов от университетских преподавателей. В этом году Иван после

уроков ходил на занятия по экономике и маркетингу. Там было интересно. Вместо скучной теории профессор рассказывал много интересных примеров из истории. Одна из лекций была про стеснительного мальчика-продавца, которого оставили одного в подобной лавке, а тот, чтобы не отвечать каждый раз про цену, написал стоимость на бумажках возле каждого товара. Так он придумал ценники и показал фантастические продажи, а спустя некоторое время открыл первый в мире супермаркет.

Поперек витрины располагалась свежая надпись «Распродажа, скидываем от цены», однако, как Иван и предполагал, ни одного ценника на полках с товарами он не заметил. В Москве на такие разводки вообще бы никто не повелся.

– Вот это, – показал Иван на надпись, – не сработает так, как вы надеетесь.

– Это почему ж? – искренне удивился купец.

– Вы же все равно цену на глаз называете. Покупатель думает, что обычная цена на какую-нибудь вещь, скажем, сто, а сейчас вы ему назовете сто двадцать и двадцатку скинете. Кто в таком варианте в скидку поверит?

– Да ты что, малец! Я честный купец! Сказал, что скидываю, значит действительно скидываю, – мужчина подбоченился и нахмурился. Иван спокойно продолжил:

– Но покупатель то об этом не знает и предполагает худшее. Вы напишите цены на каждый товар рядом с ним. Чтобы любой, кто в лавку войдет, их сразу видел. Вот от них и

скидывайте, тогда люди действительно поверят. Да и вообще покупатели даже без скидок поймут, что платят честную цену, а не ту, которую назвали специально для них. В мире духов уже все так делают.

– Чушь какая! – мужчина запустил руку в густую бороду и задумавшись поскреб подбородок, – Хм... хотя может что-то тут и есть. Вот что, мальчик. Как зовут то тебя?

– Иван.

– А меня Яков звать. Вот что, Иван. Раз ты учился тому, чему господ учат... я бы тебе хотел вот что предложить. Если тебе действительно ночевать негде, то можешь пожить у меня и поучить моего сына? Сам понимаешь, у него даже близко такого образования нет и никогда не будет. Если бы ты с ним позанимался... ну, скажем, по два часа каждый будний день... вот всем этим, что сейчас перечислил... химией там, математикой, то я бы тебе предложил и крышу над головой и еду. Кушать будешь вместе с нами за столом. Ну и сверх этого, скажем, по триста орденков в неделю на карманные расходы.

«Главное не соглашаться слишком быстро», – подумал Иван, но тут фигура в черном перешла на эту сторону улицы и зашла в дверь левее.

– Я согласен! – быстро ответил он, – Я, честно говоря, никогда никого не учил, но я очень постараюсь. Думаю, у меня получится.

– Ну тогда прошу за мной, – купец подошел к двери на

улицу, запер ее, повесив табличку «Закррито», а затем повел Ивана к небольшой дверце за прилавком.

Иван оглянулся. Преследователей на улице пока не было видно.

В жилую часть дома вел небольшой коридор. Пока они шли по нему, Яков, все размышлял об идее с ценниками:

– Слушай... если ты еще и мне советы по торговле будешь давать... ну типа тех, что сейчас... хотя не знаю, сработает ли... посмотрим еще. В общем, я тогда тебе еще орденков, скажем, по сто добавлю.

Иван, уже немного успокоился и припомнил еще одну историю из уроков по экономике и сказал:

– Давайте лучше вы мне заплатите только если мои советы сработают. И не по сто, а десятую долю от того, насколько больше заработаете благодаря им. Вы же честный купец. Я вам верю, что не обманите.

– Ха, – мужчина довольно крикнул и заулыбался, – а из тебя парень будет толк. Договорились. Заходи, – кивнул он в сторону двери, ведущей в жилую часть дома.

Из дневника княгини Ирмы де Клэр.

23 Серпня 258.

Сегодня был удивительный день. Ни плохой, ни хороший. Вернее, и плохой, и хороший одновременно. Сначала мне по-

казалось, что я сошла с ума и начала путать сны с реальностью, а потом натворила глупостей. Но лучше начать по порядку, ибо началось все отвратно.

Утром брат опять умчался со своими телохранителями якобы на конную прогулку по окрестностям. Названия этих кабаков, которые «окрестности», я уже наизусть выучила. Ну, конечно, в замке то я ему пить не дам. Я так разозлилась, что наплевала на учебу и поехала на могилу матери. Посидела у ее памятника, погуляла по кладбищу. Там всегда нервы успокаиваются, а их у меня перед инициацией хватает. Но не буду об этом, а то опять заведуся. Лучше вспомнить, как там тихо и спокойно. Оленята ходят. Подходит к тебе такое создание с умильными рожками, тонкими ногами и раскосыми печальными глазами, поднимает голову – и попробуй тут устоять и не накормить. Обо всем плохом забываешь.

Когда я вернулась, стража доложила мне, что брат примчался опять навеселе. Да еще и притащил с собой какого-то нищего дворянина.

В такие моменты он меня бесит, бесит, бесит! Я решила игнорировать его весь день. Пусть напивается с этим своим бродягой сколько хочет! Докатился! Набирает собутыльников на улице.

Вернулась в свою комнату и засела за книги. У меня же новый учебник с той стороны, а я его до сих пор до конца не проработала! А времени то уже... меньше недели осталось.

Я так задумалась, что даже забыла про обед. Когда в животе начали кошки царапаться, пришлось все-таки спуститься в трапезную, а там, оказывается, все еще братец сидит. Как нарочно!

Пока обедала вообще не смотрела в его сторону. Он пытался со мной заговорить, но я была тверда как скала. Тут ко мне подошел заведующий нашим вечно пустующим подземельем и шепотом, опасливо поглядывая на Влада, сообщил, что в подвалах появился заключенный. Оказывается этот оболтус притащил с собой не собутыльника, а какого-то мальчишку с пляжа и засадил того в темницу.

Я ничего не поняла. Пришлось все-таки заговорить. «Ты пошто, – спрашиваю, —человека в темницу упек?». А он в ответ только глаза пучит. Забыл уже не только причину, но и вообще про мальчика. Кое как по кусочкам удалось выцепить, что этот неизвестный вообще не помнит, как оказался на берегу.

Я велела убрать со стола и привести заключенного в обеденный зал.

И вот тут чудеса и начались.

Гость вошел с таким шумом и грохотом, что мы оба вздрогнули. Брат даже вино на себя пролил. Как можно вообще дойти до такой стадии, когда не можешь поддерживать то, что сотворил? Со стен рухнули все доспехи, щиты и какие-то дикие древние топоры, которые Влад так тщательно и безвкусно развешивал при помощи Силы. Стану хо-

зьяйкой, выкину все к лешему!

Я сначала не узнала юношу, да и не смотрела на него толком, хотя, бесспорно, появился он эффектно. Меня больше занимал Влад, который не мог даже согнать пятно с рубашки. В первый раз видела его в таком состоянии. Это же элементарные действия. Разложить органику на углекислый газ, азот и воду... что может быть проще?

Я взглянула на гостя только когда он подошел ближе. Тут я уж узнала и вздрогнула. Решила, что видимо окончательно сошла с ума, раз не могу понять нахожусь я во сне или наяву.

Дорогой дневничок, я сейчас посчитала. На твоих страничках я описала уже сто двадцать этих слишком реальных кошмаров, похожих на навязанные извне мысли. (Хотя уверена, что это за пределами возможностей даже лучших мастеров разума).

Так вот. Это был он. Герой моих кошмаров. Тот, на кого всегда можно было положиться. Странно одетый юноша, с трогательно нервной прической и слишком взрослыми жесткими серо-стальными глазами. Несмотря на весь ужас этих снов я иногда даже просыпаться не хотела, все желала хоть раз заговорить с ним. Никогда не получалось. Стыдно признаться, но я ждала этих встреч с нетерпением и надеждой, хоть эти сновидения добрыми не назовешь. И вдруг вот он. Стоит передо мной. В реальности.

Мне показалось, или он тоже вздрогнул, когда наши глаза

встретились?

В общем сначала я испугалась что совсем рехнулась и не понимаю, что сплю. Вдруг сейчас из углов опять полезут какие-нибудь чудовища?

Потом, когда поняла, что это все реально, испугалась еще больше. Засмуцалась и отвернулась к окну. Эта встреча была настолько неожиданной, необычной и... пугающей. Он явился из мира снов как вестник, что в моей жизни грядут большие перемены. Что мои кошмары обретают реальность. И это прямо перед инициацией!

И вот тут от смущения и испуга я повела себя как надменная дура. Толком не выяснила кто он, откуда и зачем пришел. Даже имя не спросила. Я видела, что он думает не соврать ли мне, как брату, но он все же выбрал правду. И какую! Юноша явился с той стороны. Удивительно! Герой моих снов был духом, а я этого не почувствовала! Хотя я никогда не видела духов раньше. Слышала, что они внешне похожи на людей, но якобы любой мастер легко их отличит, потому что у духов нет жизненной силы, а значит и души. Я же ничего необычного не чувствовала. Нормальный юноша. Даже довольно красивый, хоть и одет как ночевавший в курятнике молодой князь. Мастером он точно не мог быть, потому что способности к Силе я в нем не ощущала.

Поразительно, но он так неподдельно и непосредственно удивился, когда я использовала Силу, что совершенно точно увидел работу мастера в первый раз в жизни. Такое не под-

делать, да и в голову никому не придет. Сила – это же так естественно. А вот в мире на той стороне ее, говорят, как раз и нет. А еще он попросил вернуть его домой, в мир духов. И смотрел при этом тоскливым взором собачки в зимней конуре.

Значит он действительно с той стороны, где я никогда не была и куда все так старалась попасть? Но как по мосту мог пройти человек без Силы? Невозможно!

Дура! Вместо того, чтобы подробно обо всем расспросить, я его выгнала. От испуга, наверное. Даже поесть не предложила, хотя знала, что он полдня провел в темнице. Идиотка, что тут скажешь.

Потом ужэ спохватилась, позвала капитана Сержэ и попросила его разыскать юношу в городе и узнать все-таки как его зовут и откуда он появился, нашел ли себе жилье, и вообще проследить дальнейшую судьбу... если его вообще теперь возможно найти.

Ах...да...еще странность. Этот незнакомец упомянул, что на берегу его пригрел какой-то старик-рыбак в своей лачуге. Влад, когда чуть протрезвел, тоже подтвердил, что видел этого старика. Однако, я же точно знаю, что старый сарай на побережье необитаем. Его используют в сезон для временного хранения катамаранов и пляжных лежаков. Что за старик? Сержэ проверил и вечером отчитался, что лачуга пуста и никаких следов проживания в ней нет. Что за чудеса?

Вот такой неожиданный день. Даже не могу понять хороший он или плохой – и плюсы и минусы огромны. Так что не знаю какую оценку ему поставить. Но не ноль же. Это еще какой не ноль! Поставила одновременно и то, и то. Два плюса и два минуса. Потом решу, к худу или к добру все это было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.